

С Л О В А

КЪ

ПАСТВЪ ВОЛОГОДСКОЙ,

Г О В О Р Е Н Н Ы Я

П Р Е О С В Я Щ Е Н Н Ы МЪ

И Н Н О К Е Н Т И Е МЪ,

Е П И С К О П О МЪ

ХАРЬКОВСКИМЪ И АХТЫРСКИМЪ,

ВО ВРЕМЯ УПРАВЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЮ ПАСТВОЮ.

Издание второе.

Х А Р Ь К О В Ъ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1 8 6 0.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
Слово при вступленіи на паству Вологодскую . . .	1.
— при второмъ служеніи, по вступленіи на паству Вологодскую, сказанное въ Волог. Кладбищенской Церкви	11.
— предъ молебствіемъ, по случаю чрезвычайной засухи и пожаровъ земныхъ, мрака и дыма въ воздухъ	19.
— сказанное въ тюремной Вологодской Церкви	31.
— на память Преп. Димитрія, Прилуцкаго чудотворца	40.
— сказанное въ Вологодскомъ Горнемъ Успенскомъ женскомъ монастырѣ	44.

Слѣво при освященіи Крестовой, при Вологодскомъ архіерейскомъ домѣ, церкви во имя всѣхъ Св. Угодниковъ Вологодскихъ. . . .	51.
— въ день празднества въ честь иконы Всемилостиваго Спаса, сказанное въ Вологодской Всеградской церкви, созданной въ память избавленія отъ язвы, бывшей въ 17 вѣѣ	60.
— на день Успенія Пресв. Богородицы . . .	68.
— въ недѣлю тринадцатую	83.
— надгробное	89.
— при постыщеніи паствы, сказанное въ Бѣлавицкой каменной пустыни, что на острову Кубенскаго озера, на память Пр. Іоасафа Каменскаго	97.
— въ недѣлю 18, сказанное въ Кадниковскомъ соборѣ	101.
— сказанное въ Тотемскомъ, Осеодосіевомъ Спасо-муриномъ монастырѣ	114.
— сказанное въ Тотемской пригородней, что на соленомъ заводѣ, церкви	122.

Слѣдо, сказанное въ Устюжскомъ Успенскомъ со- борѣ	131.
— сказанное въ Устюжскомъ Іоанно-Предте- чевскомъ женскомъ монастырѣ	140.
— сказанное въ Сольвычегодскомъ соборѣ . .	148.
— на память Преподобнаго Діонисія Глушиц- каго, сказанное въ Глушицкомъ монастырѣ	161.
— при прощаніи съ паствою Вологодскою . .	166.

С Л О В О,

ПРИ ВСТУПАЕШИИ НА ПАСТВУ ВОЛОГОДСКУЮ,

СКАЗАННОУ ВЪ ВОЛОГОДСКОМЪ УСПЕНСКОМЪ СОВОРЪ.

Миръ вамъ! Лук. 24, 36.

При всей употребительности сего святаго привѣтствія, въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, и при всемъ желаніи моемъ, чтобы миръ Божій всегда водворялся въ сердцахъ и душахъ вашихъ, я не осмѣлился бы теперь употребить сихъ Евангельскихъ словъ въ привѣтствіе, если-бы мнѣ надлежало пропзнести ихъ къ вамъ отъ моего собственнаго лица. Ибо кто я, чтобы мнѣ изрекать миръ и благословеніе цѣлоу Церкви, которая, кромѣ другихъ преимуществъ, красуется цѣлымъ соборомъ святыхъ Угодниковъ Божіихъ, по всемъ предѣламъ ея почитающихъ нетѣльными и чудотворными мощами своими?

водити молитвами своими каменную тучу, висящую надъ Устюгомъ; тамъ Θεодосіи Тотемскій среди славныхъ источниковъ открываетъ новый неизсякаемый кладъ соли духовной, и самъ содѣлывается солю земли Тотемской, спасающею отъ гніенія души и сердца. Обращусь ли къ Западу? Здѣсь обители св. Павла Обиорскаго, св. Корнилія и Арсенія Комельскихъ высятся яко твердыни духовныя въ прибѣжище и оплотъ воиновъ Христовыхъ, въ отраженіе враговъ видимыхъ и невидимыхъ. Посмотрю ли на Сѣверъ? Тутъ, среди волнъ на скалѣ каменной, вижу несокрушимые всѣхъ скалъ и камней раку святаго благовернаго князя Іоасафа, преподобныхъ Петра и Василія. Припикну ли къ Югу? — Тамъ почиваютъ, или лучше сказать, стоятъ на стражѣ духовной святыя основатели Церкви Вологодской — священномученики Герасимъ, Іона и Питиримъ. Осмотрюсь ли кругомъ себя? — Се Димитрій Прилуцкій! Се Галактіонъ Спасокаменскій! Се Герасимъ Кіевскій! Се, въ самомъ храмѣ семъ, Антоній Вологодскій!

Огражденные такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ святыми ходатаями и заступниками, имѣя, скажемъ словами Апостола, *облежачъ насъ толикъ облакъ свидѣтелей* (Евр. 12, 1) вѣры и упованія, можемъ ли

неблагодарно выйти на предлежащій намъ и вамъ подвигъ спасенія? — Быть не можетъ, чтобы святые Угодники составили насъ своею помощію, коль скоро мы будемъ обращаться къ нимъ за нею съ усердною молитвою, и будемъ идти неуклонно по святымъ стопамъ ихъ. А мы будемъ дѣлать сіе, будемъ и сами идти и васъ вести туда-же, куда шли и дошли они.

Что-же намъ именно должно дѣлать для сего? Въ чемъ должно состоять наше служеніе среди васъ? Чего въ правъ ожидать и требовать отъ насъ вы? Чего должно желать отъ васъ намъ? — Когда я предлагалъ самъ себѣ сіи вопросы, то всякой разъ слышалъ въ отвѣтъ сіи слова Апостола: *той* (Господь Іисусъ) *далъ есть овы убо Апостолы, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учители, къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, къ созидаію тѣла Церкви Христовой* (Еф. 4, 11. 12). То есть, братія мои, Пастыри Церкви, по свидѣтельству Апостола, даются для того, чтобы руководить насъ на пути къ вѣчному спасенію, чтобы служить намъ при духовномъ возрожденіи нашемъ въ жизнь вѣчную, чтобы назидать насъ въ вѣрѣ, любви и упованіи Христіанскомъ, чтобы охранять насъ отъ

соблазновъ міра и наветовъ духа злобы, чтобы врачевать недуги души и язвы совѣсти нашей, чтобы содѣлывать насъ благодатию Христовою живыми храмами Духа Святаго, чтобы приготовить насъ въ міръ къ переходу въ міръ высшій и лучшій. —

И такъ, вотъ предметъ дѣятельности и цѣль служенія нашего у васъ: мы должны быть вашими отцами духовными и пастырями, вашими духовными судіями и посредниками, вашими духовными наставниками и руководителями, вашими духовными врачами и утѣшителями, заступая у васъ мѣсто Апостоловъ Христовыхъ.

Если-бы смотрѣть при семъ случаѣ на скудость своихъ силъ, на недостатокъ всѣхъ человѣческихъ средствъ; то намъ, при настоящемъ случаѣ, сто разъ надобно было бы воскликнуть съ Апостоломъ: *кто къ симъ доволенъ?* (2 Кор. 11, 16). Сто разъ надлежало бы сказать съ Моисеемъ ко Господу: *избери могуща иного, егоче послещи* (Исх. 4, 15).

Но тотъ, Кто далъ своей Церкви пастырей и учителей, провидѣлъ нашу немощь и заранее сдѣлалъ все для восполненія нашихъ недостатковъ. Въ книгахъ Пророческихъ и Апостольскихъ столько свѣта, что его станетъ для озаренія всѣхъ заблуждающихся,

для прогнанія всякой тьмы; въ таинствахъ Христіанскихъ столько силы и дѣйствительности, что ихъ достаточно для укрѣпленія всѣхъ немощствующихъ духомъ, для исцѣленія всякой язвы совѣсти. Кромѣ сего, всемогущій Спаситель нашъ всегда самъ среди Церкви своей, и невидимо — силою и благодатію, и видимо — Тѣломъ и Кровію своею. Здѣсь-же, между нами, всегда Духъ истины, кого Онъ, вознесшись на небо, послалъ намъ отъ Отца, да *будетъ съ нами во вѣкъ*, да наставляетъ насъ на всякую истину, да облачаетъ насъ силою свыше, да утѣшаетъ насъ во всякой скорби и обстояніи. После сего, намъ остается только пользоваться тѣмъ, что въ такомъ избыткѣ давно уготовано, остается быть слугами и строителями таинъ Божіихъ, оказывать вѣрность и усердіе въ домостроенствѣ спасенія нашего.

И мы торжественно, предъ лицемъ сего престола Благодати, на коемъ невидимо возсѣдѣтъ самъ Царь славы, обѣщаемъ Ему и вамъ сію вѣрность и сіе усердіе. Вы не услышите отъ насъ ничего, кромѣ того, что содержится въ словѣ Божіемъ, что провѣщано для нашего спасенія Пророками и Апостолами. Будемъ преподавать истины спасенія во всей ихъ простотѣ и чистотѣ, не лести слуху и при-

выткамъ, не поддаваясь слова Божія подъ вкусъ
вѣка сего, не лица *отъ* чело^вкъ славы, ни *отъ*
васъ, ни *отъ* шл^яхъ (1 Сол. 2, 6). Не будемъ
жалѣть ни времени, ни силъ, ни трудовъ, только-
бы совершить свое дѣло и достигнуть цѣли. Нуж-
но ли будетъ возвѣстить горе безчувственнымъ и не-
раскаяннымъ? Мы возвысимъ съ Пророкомъ, яко тру-
бу, гласъ свой, окружимъ себя грозою Сная и Хо-
рива. Нужно ли будетъ ободрить и утѣшить отча-
янныхъ? Мы сдѣлаемся, подобно Апостолу, *тихи*,
какъ кормилица у колыбели дитяти. Постараемся, по
примѣру св. Павла, *быть всѣмъ еся, да всяко нѣ-
кѣя приобретаемъ* (1 Сол. 2, 7).

Вотъ наше намѣреніе и обѣты! Сердцевѣдецъ ви-
дитъ, что они исходятъ изъ глубины души, Ему
преданной, отъ сердца, жаждущаго вашего спасенія.
Ничто не уклонитъ насъ съ нашего пути, не за-
слюнитъ священной цѣли, къ коей стремимся. Мы
единожды и навсегда предали себя въ волю Его
всемогущаго, всецѣлю посвятили себя на служеніе Ему
и дѣлу вашего спасенія; для сего готовы положить
самую душу свою.

Раскрывая такимъ образомъ предъ вами душу и
сердце свое, мы надѣемся, что и вы воскреснете

новою ревностію къ дѣлу спасенія вашего, новымъ усердіемъ къ Церкви Божіей; что вы приложите все вниманіе къ тому, что будетъ возвѣщаемо вамъ, примите благодушно все, что почтено будетъ нужнымъ сдѣлать для усиленія между вами вѣры и любви во Христа. Надѣмся, что вы будете искать въ наставленіяхъ нашихъ не словъ красивыхъ, а духа и силы евангельской; что вы безъ огорченія услышите самыя обличенія, когда они будутъ нужны. Наконецъ, мы надѣмся, что вы будете вспомоцествовать намъ вашими молитвами: ибо если Пастыри должны быть свѣтильниками для паствы; то молитвы о нихъ пасомыхъ должны быть елеемъ для свѣтильниковъ.

Вотъ наши желанія и наши надежды въ отношеніи къ вамъ! — Другаго ни чего не желаемъ и не ищемъ.

И такъ, призвавъ Господа на помощь, соединимся все въ одномъ святомъ намѣреніи и пойдѣмъ дружно все къ единой общей цѣли — нашего спасенія. Быть не можетъ, чтобы Господь не благословилъ сего союза, не подаль намъ — благодати послужить вашему спасенію, а вамъ — воспользоваться спомъ служеніемъ ко благу душъ вашихъ.

Господи Иисусе, единый истинный и вѣчный Пастыреначальникъ! Ты самъ благоволишь общать въ словѣ Твоемъ: *еже аще что просите отъ Отца во имя Мое, то сотворю. Просите и дастся вамъ* (Іоан. 14, 13. Мат. 7, 7). Се мы всѣ просимъ у Тебя единого: прими всѣхъ насъ подъ Твое великое пастыреначальство, и буди нашимъ Вождемъ и Наставникомъ, а мы всѣ люди твои, и оцы пажити твои, отнынѣ и до вѣка! Аминь.

С Л О В О,

ПРИ ВТОРОМЪ СЛУЖЕНІИ, ПО ВСТУПЛЕНІИ НА НАСТВУ ВОЛОГОДСКУЮ,

СКАЗАННОЕ ВЪ ВОЛОГОДСКОЙ КЛАДЫШЕНСКОЙ ЦЕРКВИ.

Можетъ быть, для нѣкоторыхъ кажется не совсемъ обыкновеннымъ, что мы, несмотрѣвшіе еще, такъ сказать, на мѣстѣ новаго служенія нашего въ градѣ семъ, поспышли на служеніе сюда, къ послѣднему мѣсту всѣхъ и каждаго: но для насъ это было естественно. Ибо на Настыряхъ Церкви лежить долгъ пенцисъ не о живыхъ только, но и объ умершихъ; и о послѣднихъ, если можно, болѣе, нежели о первыхъ: ибо живые могутъ и должны пенцисъ о своемъ спасеніи и сами; а умершимъ кто можетъ оказать помощь, кромѣ св. Церкви? Молитвы о нихъ и безкровная жертва за нихъ, — вотъ

ихъ единственное прибъжище! — Посему-то мы, памятуя долгъ свой къ живымъ и мертвымъ, и совершивъ его, по возможности, въ прошедшее служеніе въ отношеніи къ первымъ, нынѣ посѣтили сюда для принесенія молитвъ за послѣднихъ, желая скорѣе преподать такимъ образомъ нѣкое утѣшеніе духовное и почившимъ о Господѣ братіямъ нашимъ.

На свои ли слабыя молитвы уповая, говоримъ мы такимъ образомъ? Нѣтъ, молимся ли мы о живыхъ, или мертвыхъ, наше упованіе Тотъ, Кто единъ обладаетъ живыми и мертвыми. Безъ Его всецѣльной помощи, самъ по себѣ, кто дерзнетъ стать между землею и небомъ? Кто можетъ явиться предъ лице правды Божіей даже съ едиными собственными грѣхами? Но, облеченные силою заслугъ Христовыхъ, съ кровію завета вѣчнаго, на Голгоѣ за всѣхъ насъ проліянною, мы смѣло приступаемъ къ престолу Благодати, и воздѣваемъ руки о успокоеніи душъ усопшихъ братій нашихъ, здѣ почивающихъ. —

Какой великій соборъ ихъ долженъ быть теперь среди насъ! Меня пронизаетъ трепеть, при мысли, что духовный взоръ ихъ устремленъ теперь на меня, и что нѣкоторые изъ нихъ, можетъ быть, жаждутъ услышать отъ меня слово спасенія!..

Но, усопніе братія, научите меня, какимъ языкомъ долженъ я бесѣдовать съ вами! — Приму ли голюсь наставника? Вамъ поприще конечно; время наставленій прошлю; и теперь вы лучше всѣхъ насъ сами видите, правду ли говорили вамъ учителя Церкви, когда утверждали, что *едино есть на потребу* человека, и что нѣтъ никакой пользы, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а погубить душу свою. Начну ли говорить къ вамъ языкомъ утѣшителя? Но какъ дерзнуть ручаться за то, что происходитъ въ вашемъ мірѣ, который закрыть отъ насъ непроницаемою завѣсою, гдѣ все не по нашему, хотя многое отсюда, гдѣ тысяща лѣтъ, яко день одинъ, и, можетъ быть, день одинъ бываетъ яко тысяща лѣтъ!.. Изреку однакоже, что внушаетъ мнѣ Евангеліе и собственное сердце: благодать Господа нашего Ісуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастіе Святаго Духа да пребудетъ и со всѣми вами! — Да пребудетъ со всѣми! Пбо не всѣ ли вы сопровождаемы на мѣсто настоящаго покоя вашего молитвами и благословеніями св. Церкви? Не надѣ всѣми ли вами возглаголено разрѣшеніе отъ грѣховъ? Не у всѣхъ ли васъ въ рукахъ Крестъ Христовъ?

О, возлюбленные, держитесь крепко, и не перестаю держитесь сего якоря спасенія! Доколь Крестъ Христовъ въ рукахъ и въ сердцѣ вашемъ, какъ-бы ни были кривы волны внутреннихъ и внешнихъ искушеній, никакая бездна не поглотитъ васъ. Живая вѣра въ Распятаго превозможетъ все, изведетъ отъ всего, управитъ во всемъ и ко всему. Всеспасное ходатайство и смерть за грѣхи наши Сына Божія, дражайшаго Спасителя нашего — вотъ ваша сила, ваша пища, ваше утѣшеніе, ваше спасеніе! Стремитесь, сколько можете, горѣ, къ престолу благодати Его, стремитесь всѣми останками ума и сердца, всѣми силами совѣсти и чувства; а для успѣха въ семъ не озирайтесь вспять. Что вамъ въ землѣ, которую вы оставили навсегда? Что вамъ въ нашемъ мірѣ, который исчезъ для васъ навсегда? Онъ, этотъ міръ, и теперь тотъ-же, что былъ при васъ: такъ-же весь лежитъ во злѣ и мракѣ, такъ-же весь исполненъ неправдъ и соблазновъ; то-же невѣдніе путей живота, то-же небреженіе о своемъ спасеніи, та-же злоба и лукавство, та-же нечистота, чувственность и страсти. — Вы испытали уже въ часъ смерти всю тщету земнаго и временнаго; видѣли, какъ ни что не помогаетъ человѣку

въ день скончанія его: не озирайтесь же, возлюбленные, вснять къ немощнымъ и худымъ стихіямъ міра нашего; воздыхайте ко граду горнему и вѣчному, *ему же художникъ и содѣтель Богъ*. — Когда почувствуете благотворное вѣяніе молитвъ, несущихся изъ нашего міра о васъ ко престолу Благодати, расправляйте въ то время и вы крылья духа своего вѣрою и порывайтесь всѣмъ существомъ его горѣ, въ объятія любви вѣчной! — А мы, какъ теперь и здѣсь призывали, такъ всегда и вездѣ будемъ призывать на васъ милосердіе Отца Небеснаго, и всепримиряющую силу заслугъ Христовыхъ! —

Что касается до васъ, братіе, здѣ стоящіе, то мы не намѣрены нынѣ бесѣдовать съ вами; пбо мы сами пришли сюда не столько учить, какъ учиться. Пойдемте вмѣстѣ на могилы братій нашихъ и посмотримъ, что тамъ!

Что съ знатностію и славою, что съ мудростію и познаніями, что съ богатствомъ и роскошью? Увы, самый знатный здѣсь такъ-же снѣдь червей, какъ и послѣдній бѣднякъ; самый мудрый и краснорѣчивый такъ-же безгласенъ, какъ и малое дитя: кости у перваго изъ богачей лежать равно голы, какъ у того, кто всю жизнь не пыталъ чѣмъ прикрыть

своей наготы; все изравнено, сглажено, стерто, обращено въ прахъ рукою смерти! — А мы гоняемся за вѣтъмъ снмъ; въ этомъ полагаемъ задачу и цѣль жизни; на сіе самое тратимъ силы и здоровье; на это мѣняемъ не рѣдко совѣсть и душу. Ахъ, братіе мои, кто могъ ослѣпить насъ столь ужаснымъ образомъ! — Развѣ не предъ нами могилы братій нашихъ? Развѣ мы созданы иначе, нежели они, и съ нами не сдѣлаетъ смерть того-же, что сдѣлала съ ними? Зачѣмъ же мы повторяемъ одну и ту-же ошибку? Зачѣмъ не поймемъ истинную цѣль жизни? не устремимся за единымъ на потребу?

Сн и подобныя размышленія срѣтять насъ на могплахъ братій нашихъ, срѣтять непременно, если только мы, ходя между снми могплами, не будемъ подобны тѣмъ памятникамъ, кои стоятъ надъ ними; если будемъ помнить, что лежащіе здѣсь за нѣскольکو лѣтъ, а нѣкоторые за нѣсколько дней, были подобны намъ, ходили какъ и мы теперь здѣсь, нѣкоторые думали, а нѣкоторые, вѣроятно, и недумали, что имъ скоро лежать здѣсь; если притомъ перенесемъ мыслію къ своему послѣднему дню, вообразимъ какъ и насъ пранесутъ на кладбище и

опустять въ землю, какъ и надъ нами возвысится дерновѣй холмъ и ляжетъ надгробный камень, какъ придетъ любимый нами человекъ и ороситъ слезою нашу могилу, а, можетъ быть, и не придетъ никто, и одна св. Церковь, сія общая мать, не забудетъ насъ въ молитвахъ своихъ; и мы будемъ лежать въ землѣ до того страшнаго дня, когда всѣмъ надобно будетъ возстать и явиться на судъ страшный. Если вы въ подобныхъ мысляхъ проведете, братіе, краткое время вашего пребыванія здѣсь, то вы услышите поученіе, лучше коего никто не можетъ сказать вамъ.

И подобныя поученія слышать здѣсь вы можете всегда, какъ только захотите: ибо у живыхъ только языкъ измѣняется и становится иногда не похожъ самъ на себя, а у мертвыхъ всегда одинъ и тотъ же: могилы никому не помыслятъ и не скажутъ неправды. Посему, когда почувствуете нужду въ наставленіи, сѣдните сюда; здѣсь проповѣдь всегдашняя: всегда услышите, что жизнь наша кратка и внезапно прерываема, что все на землѣ тленно и ничтожно, кромѣ совѣсти и души безсмертной; что надобно отличать и обогащать себя тѣмъ, что вмѣстѣ съ душою переходитъ въ вѣчность, то есть, дѣ-

лами блаженны, что тотъ изъ насъ ужасный врагъ,
самъ себѣ, кто живетъ такъ, какъ-бы ему никогда
не умирать. Аминь.

С Л О В О,

СКАЗАНИЕ ВЪ ВОКОГОДСКОМЪ УСПЕНСКОМЪ СОВОРЪ,

ПРЕДЪ МОЛКЕСТВІИМЪ,

**ПО СЛУЧАЮ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ЗАСУХИ И ПОЖАРОВЪ ЗЕМНЫХЪ, МРАКА И ДЫ-
МА ВЪ ВОЗДУХЪ.**

Наконецъ, братіе мои, настъ всѣхъ учить само небо! — И какъ учить? какъ учило нѣкогда древнихъ Египтянъ — огнемъ и мракомъ! Странное и странное зрѣлище! Мы со всѣхъ сторонъ окружены огнемъ, и въ то-же время покрыты — тьмою! Страждемъ отъ засухи, и не видимъ солнца! Таковъ гнѣвъ небесный! Таковъ и здѣсь — во времени, на землѣ милосердія: что же будетъ тамъ — въ странѣ воздаяній, гдѣ во всей силѣ воздѣйствуетъ законъ суда и правды?

Но, точно ли надъ нами гнѣвъ небесный? Не слу-

чай ли это и неблагопріятное стеченіе причинъ естественныхъ? — Ахъ, можетъ ли быть случай тамъ, гдѣ все движется подъ перстомъ Всемогущаго и Всевѣдущаго? — Что такое природа, со всѣми ея силами, какъ не видимое и разнообразное облаченіе единой невидимой силы Творческой? Если въ дому благоразумнаго домовладыки не можетъ произойти ничего важнаго безъ его вѣдома и воли, тѣмъ паче — вопреки его намѣреніямъ: то можетъ ли быть что-либо подобное въ дому Домовладыки небснаго, который всадѣ есть и все исполняетъ своимъ существомъ и сілюю? И если мрачное чело и грозный видъ домовладыки служатъ вѣрнымъ признакомъ, что въ дому есть нѣчто, для него потерянное: то мрачный видъ нашего неба, пылающее лице нашей земли не ясно ли сказываютъ намъ, что среди насъ и въ насъ есть нѣчто такое, на что Царь неба и земли не можетъ взирать безъ гнѣва?

Что такое именно? Это доведомо Ему одному. Для насъ довольно знать, первое — что всякій грѣхъ есть мерзость предъ очами святости Божіей, а мы все грѣшники, и нѣтъ грѣха, коего не нанюсъ бы между нами; второе — что для отвращенія гнѣва небснаго нѣтъ другаго средства у грѣшниковъ, кромѣ

покаяніи и исправленіи своей жпзни. Посему, прежде нежели приступимъ къ престолу Благодати, и дерзнемъ воздѣть руки съ моленіемъ объ отвращеніи казни, насъ облегающей, обратимся къ себѣ самимъ, приицнемъ въ нашу внутренность и посмотримъ, что тамъ? Каковъ воздухъ въ нашей душѣ? Какова земля нашего сердца? — Нѣтъ ли и здѣсь мрака и тьмы, и — можетъ быть — Египетской? Нѣтъ ли и здѣсь засухи и окамененія, и — можетъ быть — Вавилонскаго? Нѣтъ ли и здѣсь огня и пламене, и — можетъ быть — адскаго?

Намъ даны всѣ средства къ тому, чтобы не оставаться въ духовной тьмѣ, выдти изъ естественнаго невѣдѣнія о Богѣ и душѣ, объ участи, ожидающей насъ за гробомъ, и о средствахъ къ нашему вѣчному спасенію: солнце откровенія Божественнаго всегда надъ главою нашею; книга слова Божія всегда въ рукахъ нашихъ; Церковь, сіе училище Божіе, открыта со всѣхъ сторонъ каждому; — читай и поучайся, слушай и поучайся, смотри и поучайся. — Кругомъ свѣтъ и истина. Но много ли свѣтлыхъ и богопросвѣщенныхъ? — Посмотрите на миллионы собратій въ низкой долѣ, и спросите ихъ о чемъ-либо, касающемся вѣры и упованія Христіанскаго; они,

вмѣсто отвѣта, скажутъ вамъ: мы люди темные! Обратитесь къ людямъ, такъ называемымъ, образованнымъ, заговорите съ ними о пути ко спасенію, о самомъ Спасителѣ; рѣдко не окажется, что и они, при всѣхъ дарованіяхъ, при всѣхъ, часто обширныхъ, познаніяхъ въ земномъ, — въ отношеніи къ небесному — люди темные! Кругомъ тьма и невѣдѣніе! Отчего? Оттого, что не хотятъ озаряться свѣтомъ небеснымъ; оттого, что не почитаютъ нужнымъ знать, что будетъ съ ними за гробомъ; оттого, что все читали и изучали сто разъ, и, можетъ быть, ни разу не брали въ руки Библію и книги церковныхъ.

Въ-правѣ ли же мы, когда внутри насъ такая тьма, требовать, чтобы внѣ насъ всегда было свѣтло и ясно? Не скорѣе ли должно желать, чтобы совершенно померкъ, хотя на время, всякой свѣтъ чувственный, дабы вспомнили, что есть свѣтъ духовный, и начали имъ пользоваться?

Намъ даны всѣ силы и средства, *потребныя къ жизни и благочестію*, къ тому, чтобы мы въ семь вѣкъ были тверды и неуступны въ истинѣ, — жили праведно, цѣлостно и благочестно, и являлись плодоносны во всякомъ благомъ дѣлѣ. Для сего об-

лака дарованій духовныхъ всегда носятя надъ землею сердець нашихъ: роса Благодати всегда готова къ ихъ освѣженію; въ стѣнахъ духовныхъ ни для кого нѣтъ недостатка; самыя бразды въ души и сердца во множествѣ проводятся невидимою рукою Провидѣнія, — посредствомъ событій въ жизни нашей. Какъ бы не прозябать благимъ мыслямъ и чувствамъ! Какъ бы не цвѣсти въ насъ вѣръ и любви Христіанской! не зрѣть плодамъ смиренія, милосердія, чистоты и правды! — Но осмотритесь кругомъ себя: гдѣ святость мыслей и чистота намѣреній? гдѣ подвиги любви и самоотверженія? гдѣ плоды правды? Вездѣ сухость и безплодіе, тернѣ на тернѣ, камень на камени! — Отчего? оттого, что преданы плоти и крови, работаютъ всѣмъ существомъ міру и его похотямъ; а попеченіе о единомъ на потребу, о душѣ и совѣсти считаютъ, если только считаютъ, самымъ послѣднимъ изъ своихъ попеченій. Ахъ, если бы хотя сотая часть того времени и труда, кои иждиваются на воздѣланіе полей, на усовершенствованіе домашней экономіи, на забавы и удовольствія, употреблялась на воздѣланіе души безсмертной; далеко не то было бы съ нашими нравами и жизнью!

Послѣ сего въ-правѣ ли мы требовать, чтобы по-

пираемая стопами нашими земля была лучше духа и сердца нашего? чтобы она постоянно разверзала недра, и возвращала намъ съмена сторницею, когда мы *заклочаемъ утробу при видѣ брата бѣдствующаго* (Іоан. 3, 17). Не должно ли, напротивъ, желать, чтобы, хотя по временамъ, стихіи отказывались служить намъ, чтобы псыками источники всѣхъ чувственныхъ прибытковъ и удовольствій, дабы мы преслали упиваться изъ нихъ на погибель души своей, и вспомнили о водѣ, текущей въ жизнь вѣчную?

У Христіанина, наконецъ, есть средство, къ пресвященію самаго пламени страстей своихъ — это благодать Духа Святаго! къ угашенію самаго огня гнѣва небеснаго — это кровь Сына Божія, нашего Искупителя! — Какого искупленія преоблѣдѣть, какого врага нельзя преодолѣть съ помощію Духа Вседержителя? какой правды удовлетворить, какого грѣха очистить нельзя посредствомъ искупительной крови Агнца Божія? Оставалось бы только окропиться въ духъ вѣры сею кровію; и мы были бы бѣлы, какъ снѣгъ; и всѣ неправды наши были бы заглажены на-вѣкъ. Оставалось бы только облечься сплюю Благодати свыше, дѣйствовать всоружіемъ духовнымъ, намъ даннымъ; и мы были бы цѣлы, крѣпкі

и неприступны. А мы, если и являемся во время исповѣди предъ зеркаломъ правды Божіей; то необлеченные въ силу заслугъ Христовыхъ, съ чувствомъ лжеправедности фарисейской, а не въ духъ мытаря и разбойника благоразумнаго, оттого и отходимъ безъ истиннаго мира въ совѣсти, безъ божественнаго глагола прощенія въ душѣ. А мы, если и покушаемся иногда стать противъ искушенія на грѣхъ; то употребляемъ для сего однѣ силы, или, лучше сказать, одну немощь своего ума и совѣсти: оттого падаемъ непрестанно и разбиваемся въ прахъ. И такъ поступаютъ еще лучше изъ насъ; а какъ поступать большая часть? — При малѣйшей искрѣ соблазна, вмѣсто того, чтобы гасить пламень грѣховный, раздуваютъ его всеми способами, обращаютъ въ пожаръ сердечный, и — облитые съ ногъ до головы огнемъ, вмѣсто того, чтобъ вопіять о помощи небесной, веселятся и торжествуютъ подобно лишеннымъ ума; и, сожженные, накопецъ, въ своей совѣсти, съ торжествомъ возсѣдаютъ на развалинахъ и пепелъ храма души своей.

И мы удивляемся послѣ сего, какъ око неба помирается негодованіемъ, какъ лице земли воспламеняется гнѣвомъ! Подвигаясь скорѣе, какъ солнце мо-

жетъ сносить зрѣище всѣхъ нечистотъ и злодѣиій, кои принуждено освѣщать ежедневно и ежеминутно? Какъ земля не изнеможетъ подъ тяжестью неправдъ человѣческихъ, и, послѣдуя примѣру своего жителя и владыки, сама не уклонится съ пути во-кругъ солнца? Какъ воздухъ, непрестанно наполняемый словами гнилыми и зловредными, не растмѣется въ концѣ отъ нечистота нашего дыханія? Какъ, наконецъ, всѣ стхія, непрестанно всякимъ образомъ злоупотребляемыя человекомъ, исторгасмыя изъ своего чина, уклоняемыя отъ своей цѣли, не выйдутъ наконецъ совершенно изъ порядка, имъ назначеннаго, не возстанутъ противъ своего притѣснителя, не устрѣмятся на всеобщаго возмутителя, не разразятся всегубительствомъ надъ главою врага Божія? — И не будемъ думать, что силы природы, насъ окружающей, безчувственны; а потому для нихъ все равно, какъ мы ни поступаемъ съ ними: нѣтъ, въ міръ Божіемъ — все жизнь и дѣйствіе, вездѣ чувство и смыслъ. Апостолъ слышалъ ѿвѣгда, какъ вся тварь (замѣтьте выраженіе — *вся тварь*) стонетъ и воздыхаетъ оттого, что человекъ своимъ грѣхонпадѣніемъ лишилъ ее свободы чадъ Божіихъ, и повергъ въ тяжкую работу суетъ и тѣнино. Воздыхаетъ, по

не выходить из повиновенія человеку, заставившему ее томиться въ узахъ; воздыхаетъ, но продолжаетъ работу самой суеты. Почему? Потому, что такъ заповѣдано ей Тѣмъ, Кто не хочетъ смерти грѣшника, но даетъ ему время, *во еже обратитися и живу быти.*

Въ силу сего закона милосердія, безъ сомнѣнія, и теперь мракъ, насъ облажающій, разсѣется, и мы напѣмъ узрѣмъ солнце во всей лѣпотѣ его: но что узрѣтъ сіе солнце въ насъ? Узрѣтъ ли хотя единую слезу покаянія на лицахъ нашихъ? Узрѣтъ ли какое-либо бѣдное семейство, какого-либо безпомощнаго сироту, взятыхъ на попеченіе богачемъ? Узрѣтъ ли раздраннымъ рукописаніе бѣднаго должника, немущаго чѣмъ воздать заимодавцу? Узрѣтъ ли слугу, престаившаго терпѣть отъ жестокости и прихотей своего господина? Узрѣтъ ли храмы Божіи болѣе полными, таинства болѣе пріемлемыми и чтимыми? домашнюю молитву болѣе наблюдаемую? Узрѣтъ ли менѣе шумныхъ полночныхъ пѣръ, убивающихъ душу и тѣло, честь и состояніе? менѣе кощунства и словъ праздныхъ?... — Безъ сомнѣнія, и земля пре-станетъ горѣть вокругъ насъ; ибо еще не наступилъ тотъ страшный часъ, когда *стихійъ сжигаемъ ра-*

горятъ, и земля со всѣми дѣлами, яже на ней, сгоритъ (Петр. 3, 10). Но что будетъ съ тѣми плодами, кои она пакъ начнетъ износить изъ нѣдръ своихъ? съ плодами, омытыми потомъ и слезами бѣднаго земледѣльца? — Не отымутся ли они, по прежнему, щедрно отъ гладныхъ устъ его семейства? не пойдутъ ли въ нѣщу роскоши и прихотей? Не отдадутся ли за предметы совершенно безполезныя и даже душевредныя? не поставятся ли прямо въ нѣщу беззаконія и соблазна?

Не на устыженіе и укоризну, а въ поученіе и общее назиданіе говорю сіе; говорю по необходимости: среди огня гнѣва небеснаго, коимъ окружены мы, нельзя быть хладнымъ свидѣтелемъ неправды человѣческихъ. И кто-же возлагаетъ, когда мы умолчимъ? И какъ молчать, когда само небо и земля вопіютъ противу насъ? Завѣса мрака равно простерта Десницею всемогущею надъ проповѣдающимъ, какъ и надъ слушающимъ. Всѣмъ должно смѣряться; всѣмъ должно осмотрѣться! Возвѣстите, что подлежатъ въ насъ исправленію; и мы съ радостію приложимъ слухъ словамъ вашимъ. И безъ того, мы чувствуемъ вполне недостойнство наше; и — сошедши съ сего мѣста, на которое заставилъ взойти насъ

долгъ званія нашего, готовы стать у прага церковнаго и воззвать съ мытаремъ: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!* Но, доколѣ стоимъ здѣсь, мы должны вѣщать истину, какъ бы ни была она непріятна для чувственности; и горе намъ, если мы пѣвѣмъ гласу ея въ то время, когда самыя стихи предваряютъ нашу проповѣдь!

И такъ, братіе мои, если вы, тронувшись не силою нашего скуднаго слова, а всемогущимъ гласомъ Того, Кто повелѣлъ небу и землѣ вѣщать ко всѣмъ намъ огнемъ и мракомъ, рѣшитесь отсѣлѣ быть внимательнѣе къ дѣлу вашего спасенія, исправить и въ жизни, и въ нравахъ, и въ образѣ мыслей вашихъ то, что противно Евангелію, несогласно съ уставами вѣчной правды Божіей, пагубно для собственной души вашей: то мы смѣло приступимъ къ престолу Благодати, начнемъ съ дерзновеніемъ толкать въ двери милосердія; и можемъ быть увѣрены, что намъ не будетъ отказано въ милосердіи. А если... Но ваши взоры, ваши вздохи, ваши слезы, все ваше положеніе показываетъ, что мы не напрасно собрались сюда, что десница Божія, на насъ отяготѣвшая, достигла своей цѣли, что гнѣвъ небесный проникъ дѣйствіемъ своимъ до глубины души и сердецъ,

что каждый изъ насъ вполнѣ чувствуетъ важность настоящаго времени и не забудетъ его во всю свою жизнь. Да предначнется же молитва сердець смиренныхъ и духа сокрушеннаго! — Да возгласится покаянный псаломъ Царя Израилева, столь приличный нашему положенію! Да отверзутся царскія двери милосердія! —

Господи и Владыко живота и смерти нашей! если мы дерзаемъ въ настоящій часъ стать предъ Тобою, подобно Аврааму, съ молитвою за градъ сей и страну нашу: то дерзаемъ, надѣясь не на чистоту нашихъ рукъ, не на силу нашихъ собственныхъ молитвъ, а на то, что уже зримъ предъ Тобою стоящаго за насъ великаго Ходатая и Посредника неба и земли, возлюбленнаго Сына Твоего, Искупителя нашего. О имени Его отверзаемъ предъ Тобою уста нечистыя, и воздѣваемъ къ Тебѣ руки неспреподобныя. Призри на насъ сквозь пречистыя язвы Сына Твоего; и повели солнцу твоему возсіяť на насъ, повели огню угаснуть, и землѣ воспріять прохладу и свѣжесть. Сотвори надъ нами *сіе знаменіе во благо*, да увѣмы, что Ты единый Господь и Владыка всяческихъ, *ты убіеши и жизни сотвориши*. Аминь.

С Л О В О,

СКАЗАННОЕ ВЪ ТЮРЕМНОЙ ВОЛОГОДСКОЙ ЦЕРКВИ.

Въ темницѣ бѣхъ, и прїидосте ко Мнѣ.

Матѣ. 25, 36.

Ужели драгоценныя слова сїи принадлежать и нашимъ темницамъ, и мы, посѣщая узниковъ, посѣщаемъ чрезъ то Самого Господа и Спасителя нашего? — Не должно ли, напротивъ, относить сего изреченія къ тѣмъ исповѣдникамъ имени Христова, концы наполнены были темницы языческія во времена древнихъ гоненій на Христіанство? — Или, по крайней мѣрѣ, къ тѣмъ, кои, по запутанности обстоятельствъ и недалиновидности правосудія человеческого, подвергаются заключенію въ темницы невинно?

Воздадимъ каждому должное: признаемъ съ благоговѣніемъ, что св. Исповѣдники Вѣры особенно были достойны того, чтобы Начальникъ и Совершитель Вѣры благоволилъ усвоить Себѣ самому ихъ темническое заключеніе. Не усумнимся исповѣдать и то, что подвергающіеся заключенію безъ вины — имѣютъ особенное право утѣшать себя тѣмъ, что самъ Господь и Спаситель раздѣляетъ съ ними узы ихъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, скажемъ не обинуясь, что слова Господа относятся ко всемъ заключеннымъ въ темницахъ, кто бы они ни были, такъ что гдѣ темница, тамъ невидимо и Онъ, Искушитель всѣхъ грѣшныхъ. Ибо, если душа, присутствуя во всемъ тѣмъ, не только не отсутствуетъ отъ членовъ недугующихъ, но еще наиболѣе сочувствуетъ имъ: то можетъ ли душа таинственного тѣла Церкви — Господь нашъ оставить недугующіе члены сего тѣла, то есть, преступниковъ закона, каковы заключенные? — И что другое настоящій храмъ, какъ не опытное доказательство того, что слова Спасителя: *въ темницѣ бѣхъ и приидете ко Мнѣ*, относятся ко всемъ темницамъ? Вы слышали, что воспѣвалось, видѣли, что совершалось здѣсь: скажите, есть ли какое-либо различіе въ совершаемомъ среди сего хра-

ма, на семь престолъ, противъ другихъ мѣстъ, противъ того, что совершается въ церквахъ, находящихся среди чертоговъ царскихъ? Та-же тайна и та-же жертва! то-же пречистое тѣло; та-же пресвятая кровь — Сына Божія; тѣ-же Херувимы и Серафимы, предстоящіе, и служащіе вмѣстѣ съ нами Царю славы!

И такъ, собравшіеся здѣсь нынѣ братія и сестры о Господь, если вы пришли сюда въ духъ вѣры и любви, и отойдете отсюда въ духъ смиренія и сокрушенія о грѣхахъ своихъ; то вамъ не будетъ сказано на страшномъ судѣ: *съ темницъ бѣхъ, и не пошлите мене*. Тѣмъ паче не скажутъ сего вамъ, братія и сотрудники, кои такъ благородно уделяете время отъ трудовъ общественныхъ на служеніе здѣсь недугующему грѣхами человечеству. Благословенъ Господь, вложившій вамъ мысль на сей подвигъ любви и смиренія! — О, плоть и кровь не являются сего: это дыханіе Его всесвятаго Духа! Не ослабѣвайте же въ вашемъ подвигѣ и самоотверженіи, *еже имать мздовоздаініе велико*. Наступитъ день, когда, можетъ быть, вмѣсто всѣхъ прочихъ правъ и отличій нашихъ, одна сія жертва любви уцѣлѣетъ на вѣсахъ правды вѣчной.

Но, если мысль о пребываніи самаго Спасителя въ темницахъ съ узниками должна располагать каждаго послѣдователя Христова смотрѣть на темницы съ нѣ-
кимъ особеннымъ вниманіемъ и даже уваженіемъ, и стараться оказывать посильныя услуги заключеннымъ; то заключенные, кто бы ни были, тѣмъ паче должны имѣть въ сей мысли неизсякаемый источникъ назиданія и всегданнее побужденіе къ признанію своихъ проступковъ, къ исправленію своихъ правовъ, къ обращенію заключенія своего въ средство измѣнить себя на лучшее. — Господь премилосердый, — такъ долженъ разсуждать съ своею совѣстію каждый узникъ, — благоволилъ сказать: *въ темницѣхъ бѣхъ и приидосте ко Мнѣ*; и такъ, Онъ преблагій не оставляетъ меня и въ темницѣ. Слава Его любви и милосердію! Доколѣ Онъ со мною, нѣтъ мѣста отчаянію; съ Нимъ всемогущимъ я могу и въ темницѣ стяжать свободу духа, получить вѣчное спасеніе. Но кто заключилъ Его въ темницу? — Я, моими грѣхами и преступленіями! Какая ужасная неблагодарность! Онъ омылъ меня благодатію Духа Святаго въ крещеніи; Онъ питалъ меня Тѣломъ и Кровію своею въ таинствѣ причащенія; Онъ открылъ мнѣ входъ въ царство небесное: а я неблагодарный,

будучи членомъ тѣла Его, заключилъ Его, въ лицѣ своемъ, — въ темницу; ради меня непотребнаго страждетъ пресвятое имя Его; ибо я Христіанинъ, коему должно отличатся отъ невѣрующаго ниче всего чистотою совѣсти и жизни... а я сталъ дѣлами своими хуже невѣрнаго! — Еврею, Магометанину, Идолюпоклоннику простибельнѣе грѣхъ; ибо онъ не знаетъ пути правды, не имѣетъ въ рукахъ Евангелія, не знаменуетъ себя крестомъ. Я имѣлъ все это, и впалъ въ такія преступленія! — Чувствую мою вину, осуждаю свою прежнюю жизнь, даю обѣтъ жить впредь, какъ прилично Христіанину. Пусть законъ караетъ меня; временное наказаніе, мною заслуженное и перенесенное, освободитъ меня отъ казни вѣчной. Лучше въ сей жизни все претерпѣть, только бы омытъ грѣхъ, нежели, укрываясь отъ правосудія здѣсь, подвергнуться вѣчному мученію тамъ. Что значать всѣ земныя наказанія предъ пламенемъ адскимъ? По сему, вмѣсто ропота, я благодарю Тебя, Господи, что ты зажалъ стопы мои на пути беззаконія, и предалъ меня въ руки правосудія. Теперь я имѣю всѣ средства исправиться и окончить жизнь въ покаяніи; а, укрывшись отъ правосудія, я безъ сомнѣнія продолжалъ бы идти далѣе во глубину зла,

зашелъ бы въ такую пропасть, откуда нѣтъ возврата, умеръ бы во грѣхѣ и содѣлался бы жертвою ада! *Благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, да научуся оправданіемъ твоимъ!* —

Такъ, или подобнымъ образомъ, должны размышлять сами съ собою вы, кои находитесь за сими забралами. Не для обличенія васъ пришли мы сюда, а чтобы преподать вамъ утѣшеніе и назиданіе. Видите сами, какъ святая Вѣра, со всеми таинствами своими, приблизилась къ вамъ, не удаляйтесь же и вы отъ нея; приблизьтесь къ ней вѣрою, покаяніемъ и исправленіемъ своихъ нравовъ. При всѣхъ грѣхопаденіяхъ вашихъ, вы имѣете еще всѣ средства къ тому, чтобы содѣлаться наипі добрыми людьми и Христіанами истинными; у васъ есть умъ, чтобы познать путь правды и отличать его отъ пути безаконія; есть воля, чтобы избрать доброе и избѣгать злаго; есть совѣсть, чтобы возчувствовать свои грѣхи и возненавидѣть ихъ; есть очи, способныя плакать о содѣянномъ; есть уста, готовыя изрекать молитву и похвалу. Вспомните благоразумнаго разбойника, на крестѣ покаявшагося: онъ со креста пошелъ въ рай, что мыслаетъ и вамъ подражать его святому примѣру? Спаситель и теперь простираетъ со креста ру-

ки ко всемъ кающимся: покайтесь и вы, и перейдете отъ смерти въ животъ! —

Но что слышу я? *изведи изъ темницы душу мою, исповдатися имени твоему!* — Кто вопіетъ столь жалкимъ воплемъ? Обремененный злодѣяніями преступникъ? нѣтъ! Обыкновенный узникъ? нѣтъ! Человѣкъ невинно страждущій въ темницѣ? — нѣтъ! По крайней мѣрѣ человѣкъ находящійся въ темницѣ? — нѣтъ! Кто же это? — Царь и Пророкъ, мудрецъ и Псалмопѣвецъ — св. Давидъ! Но, друже Божій, кто могъ заключить тебя въ темницу? И гдѣ сія темница, когда ты управляешь всемъ Израилемъ, когда кедровые чертоги твои такъ пространны, что могутъ вмѣстить всѣхъ жителей Іерусалима? На какое же заключеніе жалуешься ты? Откуда хочешь быть изведеннымъ? — Изъ темницы плоти моея, отвѣтствуетъ св. Давидъ, — той плоти, которая непрестанно мрачитъ, связуетъ, тѣснитъ и измождаетъ безсмертный духъ мой; той плоти, которая со всеми желаніями моими влечетъ меня долу, приковываетъ къ землѣ, заставляетъ работать нетлѣнно, не позволяетъ даже воздыхать свободно о горнемъ Іерусалимѣ. Чего не дѣлалъ я, чтобы растерзать узы моихъ грѣховныхъ привычекъ, чтобы возникнуть отъ

рова страстей, изыти на широту свободы чадъ Божіихъ? Обращался за помощію къ мудрости и мудрымъ; совѣтывался съ умомъ и сердцемъ; постился и плакалъ; даже связывалъ себя клятвою не преступать закона правды: но тщетна надежда на мои собственные усилія; остается одна надежда на милость и всемогущество Того, Кто единъ можетъ возсоздать сердце чистое, и обновить въ утробѣ моей духъ правый. И вотъ, я вопію къ Нему подобно послѣднему изъ преступниковъ: *изведи изъ темницы душу мою!* (Псал. 12, 3. ст. 7). Возьми меня изъ сего суетнаго и мятежнаго міра въ свѣтлыя обители твои, — туда, гдѣ живетъ одна чистота и правда, гдѣ нѣтъ печали, ни воздыханія. И, по крайней мѣрѣ, облегчи благодатию Своею тяжесть плоти моей, укроти всемогущимъ словомъ Твоимъ бурю страстей, подаждь свободу сердцу и сплу духу, да возмогу сразиться съ полчищемъ нечистыхъ помысловъ и^с страстей, и потомъ безпреткновенно до конца жизни ходить въ оправданіяхъ закона Твоего. *Изведи изъ темницы душу мою, исповдатися имени твоему!*

Что мы должны заключить изъ сего молитвеннаго вопля Царя Израилева? То, что у всякаго изъ насъ, кто бы онъ ни былъ, есть свое заключеніе

и своя темница; — что всѣмъ намъ не достаетъ свободы духа, не достаетъ и возможности освободиться отъ рабства грѣховнаго собственными силами, безъ всемогущей помощи свыше. Воспользуемся же спмъ великимъ примѣромъ; и, выходя изъ сей темницы, обратимъ испытующій взоръ на самихъ себя, низойдемъ во глубину и мракъ своего внутренняго заключенія, и, нашедъ тамъ томивщійся въ оковахъ чувственности духъ нашъ, возревнуемъ о его освобожденіи, взывая подобно Царю Израилеву къ великому Разрѣшителю всякихъ узъ: *изведи изъ темницы душу мою, исповдатися имени твоему!* Аминь.

С Л О В О ,

НА ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО ДИМИТРІЯ,

ПРИЛУЦКАГО ЧУДОТВОРЦА,

СКАЗАННОЕ ВЪ СПАСОПРИЛУЦКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Собравшісь сюда въ такомъ числѣ не только изъ града, но изъ всѣхъ окрестностей, вы собрались, братіе, безъ сомнѣнія, не для слушанія слова чловѣческаго, а для того, чтобы принять для души и сердца наставленіе отъ самого угодника Божія, здѣ почивающаго, и нынѣ благочестно нами ублажаемаго. Не скроемъ отъ васъ, что и мы пришли сюда, не столько для преподаванія, сколько для принятія наставленій. Ибо гдѣ же и Пастырямъ Церкви, для конхъ въ свою чреду нужны просвѣщеніе и вразумленіе, и еще большія, нежели для пасомыхъ, гдѣ

же и имъ почерпнуть себѣ наставленія, какъ не у подножія св. Угодниковъ Божіихъ?..

Но, братіе, уже ли по сему ожидать намъ, чтобы угодникъ Божій для наставленія насъ оставилъ свое св. ложе, взошелъ на сіе мѣсто и — началъ бесѣдовать съ нами, подобно тому, какъ мы бесѣдуемъ съ вами! Такого собесѣдованія многіе изъ насъ, вѣроятно, не могли бы и перенести. Довольно того, что Онъ столько вѣковъ предложить нетлѣнными останками своими взору всѣхъ и каждого, какъ разверзтая книга: а читать въ сей книгѣ, и брать изъ нея назиданіе должно каждому самому, смотря по своему состоянію и своей нуждѣ. И трудное ли дѣло назидаться такимъ образомъ у раки св. Угодниковъ каждому самому? Напротивъ! Какъ стоя противъ лѣтняго солнца, нельзя тотчасъ не начать нагрѣваться; какъ стоя у моря, нельзя не почувствовать мгновенно прохлады: такъ, стоя у подножія мощей св. Угодниковъ Божіихъ, невозможно не исполняться душевнаго назиданія.

Стоитъ только при семъ не развлекаться воображеніемъ по предметамъ стороннимъ, надобно только устремить молитвенно вниманіе и мысли на Угодника Божія; и въ сердцѣ тотчасъ открывается источникъ

святыхъ мыслей и чувствованій. Сии мысли и чувствованія суть поученія самого Угодника Божія къ намъ, коего не могутъ замѣнить никакія наши поученія; потому что въ немъ всегда сокрывается врачество прямо противъ того недуга, отъ коего мы страдаемъ; а проповѣдники не могутъ знать душевныхъ недуговъ каждаго; и если-бы знали, не могутъ указать, въ одномъ и томъ-же словѣ, каждому врачество приличное.

И такъ, желающій слышать нынѣ поученіе, стань у раки Преподобнаго, помолись ему отъ сердца и попроси наставленія; потомъ прислушайся къ своей душѣ, и смотри какая мысль въ ней явится: — придетъ ли мысль совершить какое-либо богоугодное дѣло, напр. призрѣть бѣднаго, простить должника? соверши его скорѣе; сего хочетъ Угодникъ Божій. Явится ли намѣреніе разорвать постыдную связь, тебя досель связывавшую и влекшую во адъ? тотчасъ разорви ее на-всегда; это повелѣваетъ Угодникъ Божій. Почувствуешь ли отвращеніе отъ неумѣреннаго употребленія вина и епкера? брось эту пагубную привычку: Угодникъ, вишившій тебѣ сіе чувство, самъ поможетъ тебѣ преодолѣть ее. Предавался ли досель гнѣву, безчистию, сквернословію, перадѣтъ ходить

въ церковь, подавать милостыню, и совѣсть твоя начнетъ обличать въ этомъ? скажи самъ себѣ: это — обличаетъ меня Угодникъ Божій, не буду отсель такимъ, каковъ былъ, — скажи и докажи то самымъ дѣломъ. Когда бы такимъ образомъ приступали мы къ мощамъ Святыхъ Угодниковъ; то всегда слышали бы отъ нихъ поученіе для насъ нужное. Ибо для чего же они и возлежать предъ нами толико вѣковъ, какъ опочившіе вчера токмо сномъ? Ужели для того, чтобъ принимать отъ насъ поклоненіе? Но что нужды въ нашихъ поклоненіяхъ тѣмъ, коихъ мзда у Вышняго, кои наслаждаются царствіемъ небеснымъ? Если они остаются среди насъ видимо, не возносятся самою нетлѣнною плотію на небо; то именно потому, чтобъ наставлять и учить насъ, чтобъ показать намъ путь живота вѣчнаго.

Пойдемте всѣ учиться у раки Преподобнаго Димитрія! Аминь.

С Л О В О,

СКАЗАННОЕ ВЪ ВОЛОГОДСКОМЪ ГОРНЕМЪ УСПЕНСКОМЪ ЖЕНСКОМЪ

М О Н А С Т Ы Р Ъ.

Уподобися царствіе небесное десятиимъ двамъ, яже пріѣша свѣтильники своя, и изыдоша въ срътеніе жениху. Мат. 25, 1 — 13.

Если есть какое мѣсто въ Писаніи, которое вамъ всѣмъ, для особеннаго назиданія вашего, должно знать на-изусть; то это притча Спасителя о десяти дѣвахъ. Тутъ ваша судьба, настоящая и будущая; тутъ ваше спасеніе или ваше осужденіе. Посему я и беру сію притчу въ предметъ собесѣдованія съ вами.

Что изображаетъ она? изображаетъ состояніе душъ, ожидающихъ пришествія небснаго Жениха, ихъ приготовленіе къ срътенію Его, самую встрѣчу и пеоди-

наковый пріемъ ихъ Женихомъ, по причинѣ разновременности прихода и недостатка у нѣкоторыхъ брачныхъ принадлежностей. Такое изображеніе, явно, все клонится съ тому, чтобы показать намъ, какъ должно ожидать Жениха небеснаго, какъ исходить въ срътеніе Его, чѣмъ запасаться и что имѣть для того, чтобы не остаться за дверьми чертога брачнаго. Теперь войдемъ въ самый составъ притчи.

Сколько было дѣвъ? десять. Всѣ онѣ были дѣвы, то есть дупи, уневѣстившія себя Господу; всѣ ожидали пришествія Жениха; всѣ имѣли въ рукахъ свѣтильники; всѣ украсили ихъ и пришли для встрѣчи Жениха. И однакоже не всѣ допущены на бракъ Жениховъ; пятерымъ сказано: *невѣмъ васъ!* Откуда такая разность въ жребіяхъ? Не отъ того ли, что сіи пять, недопущенныхъ, были юродивы! Но, онѣ были юродивы не по природѣ, а сами себя учинили такими. Когда-бы захотѣли, и онѣ могли бы сдѣлать все то, что сдѣлано дѣвами мудрыми. Притча называетъ ихъ юродивыми за ихъ безразсудныя дѣйствія, за то, что они, стремясь къ цѣли, небрегли о средствахъ, безъ коихъ она неможетъ быть достигнута.

Что же помѣняло имъ войти на бракъ Жениховъ? Сонъ и недостатокъ елея въ свѣтильникахъ. Уснув-

ни они не скоро проснулись; проснувшись, вместо того, чтобы вдруг идти на-встрѣчу Жениха, пошли искать елѣя; такимъ образомъ пропущено время; пришли, когда уже были затворены двери, и потому остались за ними.

И мудрыя дѣвы не совершенно были свободны отъ сна; медленность прихода Женихова навела дремоту и на нихъ: *воздремашиа еся, и спашу*. Но, сонъ мудрыхъ дѣвъ былъ сонъ тонкій, нечуждый бодрствованія, сонъ, подобный тому, о комъ говоритъ невеста въ пѣснѣ Соломоновой: *азъ сплю, а сердце мое бдитъ* (Пѣс. Пѣс. 5, 2). Платя дань, немощамъ природы, и онѣ засыпали иногда, ослабляли свою духовную дѣятельность, повидимому, даже прекращали ее; но сердце ихъ бдѣло и было съ Женихомъ; душа ихъ всегда находилась тамъ, гдѣ ея сокровище.— При томъ у нихъ были готовы не одни пустые свѣтильники, а и елѣй дѣлъ благихъ. Посему, едва только раздался гласъ: *Женихъ грядетъ, исходите въ срѣщеніе*: онѣ встали, и пошли на-встрѣчу.

Нужно ли подробно изъяснять, что значить этотъ опасный сонъ, и что изображаетъ недостатокъ елѣя? Сонъ этотъ есть забвеніе нашей смерти и суда, насъ ожидающаго, есть преданіе себя плоти и міру и по-

груженіе въ чувственность, есть нерадніе о своей
дупіи и прекращеніе дѣлъ благихъ. А недостатокъ
ея есть недостатокъ чистой любви къ Богу и ближ-
нему, которая одна можетъ поддерживать горніе въ
свѣтлыиыи вѣры. Какъ душа погружается въ этотъ
сонъ? Отъ мысли, какъ показываетъ притча, что
Женихъ нескоро идетъ, и, можетъ быть, не придетъ.
Съ одной стороны видятъ, что смерть еще далека,
что, потому, будетъ время покаяться и заняться дѣ-
ломъ спасенія; съ другой — видятъ прелесть міра и
благъ его, чувствуютъ влеченіе къ нимъ своей грѣхов-
ной природы, и пошкуютъ подъ сномъ искушеніемъ;
сначала предаются одной дремотѣ, одному ослабле-
нію въ дѣлахъ своего званія, потомъ, мало по малу,
засыпаютъ совершенно, теряютъ духовное сознаніе и
чувство, засыпаютъ, дѣлаются мертвыми духомъ и
предаются дѣламъ тьмы. — Отчего небрегутъ во
время застисъ сеемъ? По той-же самой причинѣ.
Думаютъ, что еще будетъ время пріобрѣсть его, или
занять у другихъ, какъ, вѣроятно, обольщали себя
сею мыслию и юродивыя дѣвы. То есть, у кого за-
пятъ? у Святыхъ Божіихъ, какъ иногда думаютъ
грѣшники. Ибо не часто-ли бываетъ, что по унова-
нію на молитвы какого-либо угодника Божія, небре-

гутъ объ исправленіи своей жизни и нравовъ? ставятъ предъ иконою свѣчи, служатъ молебны: а о томъ, чтобы освѣтить душу тѣми добродѣтелями, которыми украшался Угодникъ Божій, омыться тѣми-же слезами покаянія, коими всю жизнь омывался онъ, о семъ и не думаютъ. Нѣкоторые до самаго прихода Жениха, до самой смерти своей, даже не знаютъ, есть ли слей въ ихъ свѣтильникахъ или нѣтъ. Имѣя свѣтильники, то есть содержа Вѣру православную, ходя въ церковь, нося монашеское платье, выполняя наружно уставы монастырскіе, думаютъ, что снѣ все сдѣлано. А какъ все сдѣлано, когда въ сердцѣ нѣтъ чистой, постоянной любви къ Богу и ближнему? когда въ немъ гнѣздится нечистота, любовь къ міру и страсти? Какъ все сдѣлано, когда обидѣ какая-либо огорчаетъ насъ такъ-же, какъ и мірянъ, когда чувственность также прельщаетъ, какъ и мірянъ? Ничего не сдѣлано, доколѣ мы не предадимъ на-всегда всего существа своего Господу; ничего не сдѣлано, доколѣ мы не содѣлаемся мертвы для міра и живы для одного Господа; ничего не сдѣлано, доколѣ мы не готовы положить ради славы Его и пзъ любви къ братіямъ нашимъ самую жизнь.

Памятуйте сіе, возлюбленные, и блюдитесь сна

грѣховнаго и нечувствіа. Живущимъ въ мірѣ, обязаннымъ житейскими попеченіями, пзвншительнѣе, если иногда, утомленные самыми трудами жзнн, воздремнуть на стражѣ своего спасенія: а намъ что и помнить, о чемъ и думать непрестанно, какъ не о концѣ своемъ, не о судѣ страшномъ, не о мукахъ вѣчныхъ? И такъ, отходя ко сну говорите: не эта ли нощь, въ которую прїидетъ Женихъ и надобно исходить въ срѣщеніе Его со свѣгильниками? Вставъ отъ сна, говорите: не это ли день, когда въ послѣдній разъ освѣтитъ меня солнце, и я пойду мракомъ сѣни смертной? Осмотритесь кругомъ себя: сколько сестръ, съ коими вы жили, вмѣстѣ молились, вмѣстѣ радовались и плакали, теперь уже тамъ, или въ чертогѣ, или за дверями чертога. И всѣмъ намъ предстоитъ то-же; смерть не останавливается, каждый годъ беретъ по-нѣскольку: возметъ и всѣхъ; всѣ ляжемъ во гробъ, покроемся землею, пойдемъ на судъ. Постараемся же зацѣпиться елсемъ добрыхъ дѣлъ, доколь есть время. Пойдемъ заблаговременно къ продающимъ — къ обиженымъ нами, и, неспросивъ прощеніе, получимъ слей мра и незлюбія; пойдемъ къ бѣднымъ и нищимъ, и, оказавъ имъ помощь, получимъ слей милосердія; оградимся постомъ и молитвою, и стяжемъ

елей чистоты и цѣломудрія; будемъ какъ-можно чаще имѣть предъ очами висящаго на крестѣ Спасителя нашего; и стяжемъ елей терпѣнія и преданности въ волю Божию. Капля по капль, и составитъ полный свѣтильникъ и мы не будемъ принуждены нѣкогда вопіять: *дадите намъ отъ елей вашего, яко свѣтильницы наши угасаютъ.* Аминь.

С Л О В О,

ПРИ ОСВЯЩЕНІИ КРЕСТОВОЙ,

ПРИ ВОЛОГОДСКОМЪ АРХІЕРЕЙСКОМЪ ДОМѢ,

ЦЕРКВИ ВО ИМЯ ВСѢХЪ СВЯТЫХЪ УГОДНИКОВЪ ВОЛОГОДСКИХЪ.

Отъ молитвъ и пѣснопѣній время перейти къ собесѣдованію и слову: но сердце мое прежде всякаго слова обращаетъ меня паки къ молитвѣ. Чувствую нужду благодарить и молить. Кого? Тебя, Существо тріипостасное, Боже Отче, Сыне и Душе Святыи, Тебя, отъ Коего нисходитъ всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ, безъ Коего мы сами по себѣ не можемъ и помыслить, тѣмъ паче совершить что-либо добраго. Отъ Тебя низопла къ намъ мысль — устроить сей домъ молитвы; Твоею благодатію воодушевленіемъ

мы въ препобѣжденіи трудностей сего святаго дѣла; Твоимъ вседержавнымъ именемъ положена нынѣ на немъ и печать освященія: Тебѣ убо единому подобасть за сіе слава, честь и благодареніе! — Призри съ высоты святаго своаго, и даруй, да все, входящее во храмъ сей, пеходятъ изъ него со освященіемъ души и тѣла! Да счастливые обрѣтають здѣсь побужденіе употреблять дары счастья въ славу Твою и благо ближнихъ; да несчастные износятъ отсюда утѣшеніе и силы къ благодушному несенію креста своего; да кающійся грѣшникъ слышитъ здѣсь гласъ помилованія, а переклятый да объемяется здѣсь спасительнымъ предчувствіемъ суда будущаго и мукъ вѣчныхъ; да всякъ проситъ здѣсь пріемлетъ, и нищай обрѣтаетъ! О семъ молимъ Твою благодать днесь, и будемъ молить вѣну, доколь вседержавной воли Твоей угодно будетъ внимать здѣсь нашимъ слабымъ молитвамъ.

Пріимите храмъ сей подъ молитвенный покровъ вашъ и вы, святые Угодники и Чудотворцы Вологодскіе, имени коихъ посвященъ онъ! Мы твердо вѣруемъ, что духъ вашъ молитвенно носится надъ всею странною нашею, что всякъ обращающійся къ вамъ съ молитвою, гдѣ бы ни былъ, находитъ у васъ благовременную помощь: но намъ потребно имѣть видѣмос, по-

стоянное мѣсто, гдѣ бы мы могли обращаться ко всѣмъ вамъ въ молитвѣ, и обрѣтать васъ вкупѣ. Гдѣ же быть сему мѣсту, какъ не здѣсь, откуда, посредствомъ Іерархическаго священнодѣйствія, исходитъ освященіе на всю страну нашу? Не оставляйте же, Угодники Божіи, сего дома молитвы вашимъ невидимымъ присутствіемъ; предстоите сами на стражѣ духовнаго вертограда Вологодскаго; очищайте, дополняйте, воодушевляйте наши хладныя молитвы вашимъ огнемъ серафимскимъ, да возможемъ священнотайнѣ низводить здѣсь благодать освященія на тѣхъ, кои должны потому освящать таинствами всѣхъ и каждаго.

Обращаясь отъ сей молитвы къ собесѣдованію съ вами, братія, я прежде всего долженъ подѣлиться съ вами чувствомъ духовной радости. И такъ, мы будемъ отсѣлѣ имѣть храмъ во имя всѣхъ святыхъ молитвенниковъ и предстателей страны нашей. Кто изъ насъ, въ день памяти каждаго изъ нихъ, не желалъ бы стоять и молиться у самыхъ святыхъ мощей Угодника Божія? Но это невозможно. Въ замѣнъ сего, мы будемъ имѣть теперь возможность собираться въ сѣдни здѣсь, составлять въ честь каждаго праведника духовное празднество, и такимъ образомъ поддерживать духовный союзъ нашъ съ ними. Мысль сія ра-

дуетъ мое сердце, и, безъ сомнѣнiя, обрадуетъ каждого, кто вѣруеть въ силу молитвеннаго ходатайства о насъ святыхъ Божіихъ.

И какъ не вѣровать въ сіе? Не таковъ ли вообще порядокъ вещей и на землѣ, между нами, что совершенный возрастомъ служить опорой для малолѣтняго, мудрый и опытный для недалъновиднаго и незнающаго, богатый для бѣднаго, сильный и могущественный для слабаго и малозначительнаго? Что же всѣ мы въ отношеніи къ небожителямъ, какъ не дѣти малолѣтнія, какъ не существа недалъновидныя, немощныя, всенуждающіися? На что, съ другой стороны, употреблять и имъ свое духовное богатство, силу, мудрость, какъ не на помощь намъ, земнымъ братіямъ ихъ? Тѣмъ паче, когда сіе входитъ въ планъ міроуправленія божественнаго, по коему всѣ существа разумныя, на землѣ и на небѣ, составляютъ единое семейство Отца небеснаго, гдѣ старшіе должны помогать и служить младшимъ, доколѣ всѣ не придутъ въ мѣру возраста чадъ Божіихъ. Въ силу сего закона любви самыя Ангелы, по свидѣтельству Св. Павла всѣ суть служебныя духи, въ служеніе посылаемые *за хотящихъ наслѣдовати спасеніе* (Евр. 1, 14); въ силу сего-же закона и святые Божіи, сн равно-

Ангелы, всѣ суть нашими наставниками, защитниками и хранителями. Въ сію высокую должность, какъ свидѣтельствуетъ слово Божіе, они вступаютъ еще въ продолженіе жизни своей, обложенные еще немощною плотію. Такъ, Авраамъ ходатайствуетъ за грады, уже осужденныя правосудіемъ небеснымъ на казнь; и — Господь благоутробно приметъ его ходатайству, и общаетъ переменить грозное опредѣленіе, если въ осужденныхъ градахъ обряцется десять праведниковъ. Моисей дѣлаетъ еще болѣе, дерзаетъ одинъ стать за цѣлый народъ, осужденный на истребленіе, кладетъ на вѣсы милосердія, въ цѣну избавленія, собственное вѣчное спасеніе; и что же? Народъ спасенъ, даже ущедренъ новыми милостями. Кто спасъ и въ нашей странѣ цѣлый градъ, и отвратилъ каменную тучу надъ нимъ висѣвшую? не одинъ ли праведникъ — Св. Проконій Устюжскій? Если одинъ могъ сдѣлать столь великое чудо; то чего не въ состояніи сдѣлать всѣ предстатели страпы нашей? И если они такъ сильны были еще на землѣ; то какой помощи нельзя ожидать отъ нихъ съ неба? И се, они всѣ теперь, здѣсь, съ нами, каждый съ своею молитвою, каждый съ своимъ благословеніемъ, каждый съ примѣромъ своей

жизни! Сія мысль радуеть мое сердце, веселить духъ, заставляетъ благодарить и славить.

Но, братіе мои, радуясь такимъ образомъ, и праведно, о вышнемъ приближеніи нашемъ къ святымъ покровителямъ страны нашей, не забудемъ при семъ, что сіе приближеніе, безъ поддержанія и укрѣпленія внутренняго союза съ ними въ духъ, правахъ и жизни, не сблизитъ еще насъ съ ними. Древній Израиль, подобно намъ, уповалъ некогда на молитвы и заступленіе предъ Богомъ святыхъ праотцевъ своихъ. И дѣйствительно, доколь народъ Израильскій старался быть достойнымъ ихъ святаго покровительства, успѣвался ходить по чистымъ и святымъ стонамъ ихъ; доколь, несмотря на всѣ слабости и недостатки свои, пользовался особенною милостію Божіею. Но когда, по надеждѣ на заступленіе святыхъ праотцевъ, народъ Израильскій уснулъ сномъ грѣха и нераскаянности; то Вышній отвратилъ отъ него лице Свое, и, чтобы Израиль не продолжалъ обольщаться ложною надеждою, громко устами одного изъ Пророковъ взрекъ ему: *Аще станутъ Моисей и Самуилъ предъ лицемъ Моимъ, ильте душа Моя къ людямъ симъ* (Іерем. 15, 1). То же можетъ быть и съ нами, если мы, въ надеждѣ на видимую близость къ намъ Святыхъ, дерзнемъ пре-

даваться безпечности и перахѣть объ освященіи себя вѣрою живою и дѣлами благими. Святый Святыхъ не услышитъ молитву самыхъ Святыхъ о грѣшникахъ нераскаянныхъ. Дерзнуть ли ходатайствовать о такихъ самые праведники? Если и на землѣ, между нами, никто не пріемлетъ на себя ходатайства о чловѣкѣ несправимомъ: кольми паче на небѣ, гдѣ нѣтъ и не можетъ быть никакого лицепріятія. Если Святые, по прензбытку любви небесной, и будутъ продолжать молить у престола благодати о такомъ грѣшникѣ: то конечно не о томъ, чтобы все спѣялось въ руку его, а о томъ, чтобы, для возбужденія отъ смертнаго сна грѣховнаго, возгремѣлъ надъ нимъ громъ небесный.

Приходя убо, съ освященіемъ храма сего, въ ближайшій видимый союзъ съ святыми покровителями страны нашей, возревнуемъ о укрѣпленіи и разширеніи невидимаго духовнаго союза съ ними. А для сего будемъ подражать ихъ жизни и подвигамъ. Соборъ ихъ такъ, благодатию Божіею, великъ и разнообразенъ, что всякое состояніе имѣетъ въ нихъ для себя образецъ, по роду и виду своему. Желаютъ ли пастыри и учителя духовные видѣть, какъ должно предстоять стаду Христову, какъ совершать священнодѣй-

ствіе слова и таинствъ, какъ право править слово истины? — Се предъ нами Св. Стефанъ, Питиримъ и Антоній, положившіе за Евангеліе самую душу свою. Нуженъ ли для мудрыхъ образецъ, какъ не ослышаться блескомъ мудрости земной, какъ буйство креста Христова ставить выше всехъ мірскихъ познаній? Се предъ нами Св. Проконій Устюжскій, Св. Андрей Тотемскій, кои до того простерлись въ исполненіи заповѣди самоотверженія, что всю жизнь были буйими Христа ради. Свят. благовѣрные князи Юасафъ и Игнатій покажутъ сильнымъ и богатымъ, какъ не полагаться на богатство погибающее, на силу и могущество сокрушающіяся, какъ уметь вынять вся въ уметы — и славу и богатство, чтобы пріобрѣсти и не потерять Христа. Св. Корнилій Комельскій, Діонисій Глушицкій, Θεодосій Тотемскій, съ соборомъ Преподобныхъ, ожидаютъ только желанія и охоты отъ тѣхъ, кои посвятили себя житію иноческому, чтобы руководить ихъ и примѣромъ и молитвами своими по узкому пути жизни пустынической.

Имуще убо, заключимъ словами Апостола, *облежаша насъ толкѣ облакъ свидѣтелей*, и непрестанно орошаемые изъ сего облака росой благословеній небесныхъ, *терпимъ да течемъ на предлежащій вѣкъ*

намъ *подвигъ спасенія*, *взирающе* непрестанно на самого начальника вѣры и совершителя спасенія нашего, Господа Иисуса (Евр. 12, 1). Аминь.

С Л О В О,

НА ДЕНЬ ПРАЗДНЕСТВА ВЪ ЧЕСТЬ ИКОНЫ ВСЕМИЛОСТИВАГО СПАСА,

СКАЗАННОЕ ВЪ ВОЛОГОДСКОЙ ВСЕГРАДСКОЙ ЦЕРКВИ,

СОЗДАННОЙ ВЪ ПАМЯТЬ ИЗБАВЛЕНІЯ ОТЪ ЯЗВЫ, БЫВШЕЙ ВЪ XVII ВѢКѢ.

И будетъ, егда возглаголютъ вамъ сынове ваши: что есть служеніе сіе? И рѣчите имъ: жертва пасха сія Господу, иже покры домы сыновъ Перилевыхъ во Египтъ, егда поби Египтяны, домы же наша изба-ви. (Исход. 12, 26).

Подаю вамъ слова сіи, но привожу по-тому, что они весьма близко идутъ къ настоящему дню и мѣсту. Сказаны они Моисеемъ и содержатъ, какъ видите, заповѣдь касательно праздника Пасхи. Учредивъ его въ память чудеснаго избавленія первен-

цевъ Израильскихъ во Египтъ отъ смертоноснаго Ангела, поразишаго первенцевъ Египетскихъ, Моисей предѣлать, что, для новыхъ, грядущихъ поколѣній, подробности давно прошедшаго благодѣянія Божія содѣлаются не такъ извѣстными, и самыя обряды праздника не такъ вразумительными. Посему и предписывать въ приведенныхъ словахъ, чтобы во время праздника Пасхи, совершавшагося по домамъ, каждый отецъ семейства дѣлался его истолкователемъ, и такъ сказать, проповѣдникомъ для своихъ домохозяевъ, дабы такимъ образомъ всѣ, отъ велика до мала, знали, за что именно, кому и для чего празднуютъ. *И будетъ, егда возглаголютъ вамъ сынове ваши: что есть служение сіе? рцыте имъ: жертва пасха сія Господу, иже покры дома сыновъ Израилевыхъ во Египтъ, егда поби Египтяны, дома же наша избави. (Исх. 12, 26).*

Какъ ни велико разстояніе мѣстъ и время, но наше празднество настоящее видимо походитъ на древнее празднество Израильское. Пбо и мы празднуемъ нынѣ въ память освобожденія некогда града и страны нашей отъ смертоноснаго Ангела, нхъ поражавшаго. Продолжительность времени, съ тѣхъ поръ протекаго, легко можетъ привести въ забвеніе у по-

выхъ поколѣній не только подробности, самую сущность благодѣянiя Божiя, оказаннаго предкамъ нашимъ. Послѣку же прилѣжная память о семъ крѣпко нужна для всѣхъ потомковъ: то и мы почли долгомъ повторить въ слухъ вашъ заповѣдь Моисееву, съ прощеньемъ исполнять ее, какъ-можно прилѣжнѣе.

И такъ, отцы и матери, если во время настоящаго праздника дѣти ваши спросятъ васъ, что значить служенiе сiе? Прiимите трудъ сказать имъ, что это благодарственная жертва Господу за то, что Онъ покрылъ нѣкогда милосердiемъ своимъ градъ и страну нашу отъ смертоносной язвы, въ нихъ свирѣпствовавшей. А если-бы и не было со стороны дѣтей подобнаго вопроса, то начните сами бесѣду о семъ и спросите ихъ: знаютъ ли они, почему нынѣ весь городъ нашъ празднуетъ такъ свѣтло? — Какъ-бы хорошо было, если-бы даже вошло въ постоянное обыкновенiе семейное подобной бесѣдѣ посвящать трапезу настоящаго дня! Такимъ образомъ трапеза сiя приняла бы характеръ священный; благодѣянiя Божiи не приходили бы въ забвенiе, и, живя въ памяти новыхъ поколѣнiй, располагали бы ихъ къ принятiю новыхъ благодѣянiй Божiихъ; самыя празднества по случаю сихъ благодѣянiй престаи бы походить на тѣ нѣзъ

надгробныхъ памятниковъ, кои, потерявъ бывшую на нихъ надпись, не могутъ указывать, надъ кѣмъ они воздвигнуты.

А чтобъ облегчить для всѣхъ насъ святое дѣло, мною вамъ предлагаемое, и чрезъ оживленіе памяти о благодѣяніи Божиѣмъ усилить во всѣхъ и каждомъ чувство благодарности и духовную радость настоящаго дня, мы соберемъ изъ лѣтописи сказанія о самомъ событіи и предложимъ вашему вниманію.

За два почти вѣка предъ симъ, въ царствованіе благочестивѣйшаго Царя Алексѣя Михайловича, отечество наше посѣщено было однимъ изъ тѣхъ ужасныхъ бичей, кои праведное Небо, въ гнѣвъ свое, посылаетъ иногда на землю для пробужденія отъ сна грѣховнаго цѣлыхъ странъ и народовъ. — Явилась язва. — Подобно многимъ подобнымъ бичамъ, она пришла съ Востока, двигалась медленно; но тамъ, гдѣ прошла, долго не кому было умирать. Градъ нашъ, защищаемый самою отдаленностію, былъ одною изъ послѣднихъ жертвъ: но язва показала надъ нимъ, что для нея — все равно, первая или послѣдняя жертва. Никакая крѣпость силъ и возраста не защищала; никакая предосторожность не помогала; никакое искусство не спасло. Къ смертности присовокупилась ужасная внезап-

ность: шелъ ли кто, стоялъ ли, сидѣлъ ли? вдругъ падалъ и умиралъ въ мукахъ. Страхъ смерти разорвалъ наконецъ всѣ, самыя критикія и пѣжныя узы, подавлялъ всѣ прочія чувства: дѣти убѣгали отца, мать бросала зараженнаго младенца; дома и стогны наполнены были мертвецами непогребенными.

Въ такомъ ужасномъ положеніи протекло четыредесять дней. Вдругъ, какъ молнія изъ тучи, блеснула по граду свѣтлая мысль — воздвигнуть, для отраженія язвы, однимъ днемъ храмъ Богу Спасителю. Лѣтоисписи не сказываютъ, въ чемъ умъ или сердце родилась сія мысль святая; но самое послѣдствіе показало, что она пришла свыше. Всѣ явись за сію мысль, какъ утопающіе за вервь съ берега. Святой подвигъ немедленно соображенъ во всѣхъ подробностяхъ; взвѣшены средства и препятствія; назначены трудящіеся и распорядители труда; настоящій день избранъ къ совершенію дѣла великаго.

И вотъ, съ наступленіемъ ночи открывается удивительное зрѣлище! Въмѣсто того, чтобъ предаться сну и покою, цѣлый городъ приходитъ въ движеніе: все, еще живущее, стремится къ одному мѣсту. Одни спѣшатъ трудиться, другіе быть по крайней мѣрѣ свидѣтелями труда; болѣе крѣпкіе несутъ на раменахъ

своихъ то, что должно составить крѣпость зданія и лечь въ основаніе; слабѣйшіе и малолѣтніе то, что необходимо для его украшенія: у каждаго, великаго и малаго, въ рукахъ знакъ усердія Богу Спасителю. И вотъ весь градъ, при озареніи свѣтильниковъ, собранъ на мѣстѣ, гдѣ теперь стоимъ мы. Все готово; ожидается только наступленіе минуты священной... Наконецъ бьетъ полночь, и вмѣстѣ съ тѣмъ раздается первый звукъ зпжующихъ. Зданіе растетъ столь быстро, какъ-бы само выходитъ готовое изъ земли; первые лучи выходящаго солнца уже освѣщаютъ собою храмъ Богу Спасителю; а предъ послѣдними лучами солнца заходящаго уже совершена въ немъ безкровная жертва за спасеніе живыхъ и — упокоеніе умершихъ.

Такой подвигъ вѣры и любви не могъ остаться безъ дѣйствія и отвѣта съ неба. Ужасная язва съ самаго сего дня потеряла сплу; и вскорѣ совершенно исчезла, оставивъ по себѣ одну память — гнѣва и милости Божіей!

Не давайте же, возлюбленные, ослабѣвать и исчезать сей святой памяти! Да не престають сыны и сыны сыновъ вашихъ знать, что десница Божія была нѣкогда видимо простерта надъ градомъ снѣмъ, гроз-

ная и милующая, карающая и спасающая, — и да научатся ходить въ страхъ Божіемъ, по стопамъ благочестивыхъ предковъ. Ахъ, если-бы сохранялась живая память древней казни небесной; то она сохранила бы насъ отъ дальноупаго растлѣнія нравовъ, и мы не были бы подвергнуты новому бичу небесному, который въ недавнія времена пронесъ по странѣ нашей съ древнимъ опустошеніемъ и ужасами. Пбо для чего посылаются язвы отъ Господа? ужели для того только, чтобы убивать и истреблять? Нѣтъ, онъ посылается для того, чтобы пробуждать, вразумлять и спасать страхомъ тѣхъ, кои невнимательны къ глаголамъ кроткимъ. Почему посетила насъ и послѣдняя ужасная язва? безъ сомнѣнія потому, что мы забыли прежнія наказанія, возмнили, что можемъ жить и грѣшить ненаказанно. Воспользуемся же самымъ наказаніемъ нашимъ, и живою памятію о томъ, что было, предохранимъ себя отъ того, что, въ случаѣ духовнаго нечувствія нашего, опять быть можетъ.

А между тѣмъ, заботясь о сохраненіи временной жизни отъ всякаго рода язвъ тѣлесныхъ, не забудемъ, что есть ужасныя язвы духовныя, отъ коихъ гибнутъ тысячи душъ и сердець. — Одна изъ нихъ особенно свирѣпствуетъ въ наши времена и похищаетъ у Цер-

кня Божіей мнѣжество чадъ. Вы знаете, въ чемъ состоитъ она. Человѣкъ, ею пораженный, остается, по видимому, тотъ-же; но теряетъ вѣру и совѣсть, перестаетъ быть чувствительнымъ къ слову Божию и таинствамъ, оставляетъ упованіе жизни вѣчной и ставитъ себя произвольно въ рядъ тварей гибнущихъ. О, блюдите, братія, души и сердца ваши отъ сей ужасной язвы; храните, *всяцѣмъ храненіемъ* храните отъ ней дѣтей и домочадцевъ вашихъ; и когда будете притекать съ молченіемъ къ сей Иконѣ Бога Спасителя, первѣе всего молитесь и просите, да покроетъ Онъ благодатию своею дома ваши отъ сего душевнннаго недуга. Аминь.

СЛОВО,

НА ДЕНЬ УСПЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ,

СКАЗАННОЕ ВЪ ВОЛОГОДСКОМЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѢ.

Ублажая въ настоящій день успеніе Матери Божіей, св. Церковь называетъ сіе успеніе *конечнымъ*, елико на Ней, *таинствомъ*. Поелику конечное, или окончательное, таинство необходимо предполагаетъ таинства предшествующія и первоначальныя, то, вѣроятно, не одному слушателю псалмопѣній церковныхъ приходило на мысль вопросъ: какія это таинства? Нашъ долгъ дать отвѣтъ на сіе; и мы тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ готовы сдѣлать это, что разсмотрѣніе таинствъ, совершавшихся надъ Матерію Божією въ продолженіи Ея жизни, съ одной стороны можетъ служить къ про-

славленію ся въ настоящій день, *конечнаго*, елико на Ней, таинства, съ другой — можетъ быть обильнымъ источникомъ размыслиній назидательныхъ и чувствованій утѣшительныхъ. Одно могло бы остановить насъ въ семъ случаѣ, — что всякое таинство любитъ неприкосновенность и не терпитъ хладныхъ изслѣдованій; но мы и прикоснемся къ таинствамъ въ жизни Богоматери не сухими вопросами и хладнымъ недоумѣніемъ, а вѣрою и любовію ко всечестной памяти Ея.

Первое таинство въ жизни Преблагословенной Дѣвы Маріи открылось съ происхожденіемъ Ея на свѣтъ. Ибо отъ кого и какъ произошла Она? Отъ престарѣлыхъ, какъ повѣствуетъ св. преданіе, родителей, — въ слѣдствіе особенной молитвы и обѣта. Премудрость Божія восхотѣла, чтобы имѣющая родить неспускобратно сама была плодомъ не только силъ природы, сколько пантія благодати. И вотъ, Іоакимъ и Анна достигаютъ тѣхъ лѣтъ, въ кои теряется всякая надежда быть отцемъ или матерію. Но у сей святой двоицы есть Вѣра, побѣждающая законы естества; и въ слѣдствіе сей вѣры, сопровождаемой пламенною молитвою, является Марія, благодатный даръ Неба, способная быть неизсякаемымъ источникомъ благослове-

ній для земли. — Такъ совершилась первая тайна рожденія Преподобословенной!

Второе таинство явилось надъ Нею при введеніи Ея во храмъ, на трехлѣтнемъ возрастѣ. Уже самое введеніе сіе въ такомъ возрастѣ было необыкновенно, какъ слѣдствіе особеннаго чрезвычайнаго обѣта — посвятить плодъ молитвъ своихъ Господу. А между тѣмъ симъ введеніемъ во храмъ открылась возможность будущей Матери Сына Божія получить воспитаніе при храмѣ, и такимъ образомъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ сродниться духомъ и сердцемъ со всѣмъ святымъ. Но и находясь при храмѣ, дщерь Іоакима, по обыкновенному порядку вещей, должна была оставаться въ предверіи его. Въмѣсто сего, Ея; какъ свидѣтельствуєтъ преданіе, дано было первосвященниками позволеніе проникать *во внутреннее завѣсы*, *входить во святая святыхъ*, куда имѣлъ право входить единожды въ годъ только одинъ великій первосвященникъ. Не знаемъ за-подлинно, въ слѣдствіе какихъ чрезвычайныхъ событій или откровеній получено Ею сіе чрезвычайное и безпримѣрное преимущество: но тотчасъ видимъ, что сія тайна вхожденія во святая святыхъ крайне приличествовала будущей Матери Сына Божія. Одушевленному Кивоту Божію надлежало, хотя по временамъ,

являться тамъ, гдѣ нѣкогда постоянно хранился Его символъ и прообразъ — ковчегъ завета съ манною и скрижалями.

Третія тайна последовала по достиженіи св. Дѣвою совершеннолѣтняго возраста. Ветхій заветъ, какъ извѣстно, не зналъ состоянія дѣвства, посвященнаго Богу и освященнаго закономъ. — Посему, когда дочь Іоакима и Анны достигла при храмѣ Іерусалимскомъ совершенныхъ лѣтъ; то первосвященники хотѣли удалить Ее отъ храма съ тѣмъ, чтобы она, по примѣру прочихъ дѣвъ Израиля, избрала себѣ супруга. Но святая Дѣва рѣшительно объявила, что Она твердо рѣшилась во всю жизнь не принадлежать никому, кромѣ единого Бога. Первосвященники не знали при семъ, что дѣлать; и, послѣ совѣщаній и молитвъ, рѣшились обручить Ее такому человѣку, который согласился бы нести имя мужа, не пользуясь его правами. Жребій палъ на св. старца Іосифа: и вотъ Марія оказывается въ союзѣ супружескомъ, не преставая быть дѣвою. А между тѣмъ сія тайна обрученія, сіе супружество по имени служитъ до времени покровомъ, необходимымъ для великой тайны воплощенія Сына Божія, защищая св. Дѣву отъ всѣхъ подозрѣній, какъ со стороны Іудеевъ, кои безъ того не замедлили бы

почесть Ее преступницею, такъ и со стороны того не-
коннаго врага, который, ожидая сѣмени жены, имѣю-
щаго стереть ему главу, возмутить бы небо и землю,
если-бы видѣлъ, что неискусобрачная Дѣва зачала во
чревь Сына.

Какъ совершилась самая преславная тайна вопло-
щенія Сына Божія, извѣстно изъ Евангелія всѣмъ и
каждому. Архангелъ благовѣстилъ; Дѣва рекла сми-
ренно: *се раба Господня*; сила Вышняго осѣнила;
и — *Слово стало плотью*! Это верхъ таинъ, совер-
шившихся надъ пресв. Дѣвою: но этотъ верхъ
таинъ — не былъ концемъ ихъ; нѣтъ, тайны продол-
жались, но только углубились, содѣлались невидимѣе,
не преставая быть поучительными и утѣшительными.
Желаете знать, какія это тайны?

Во-первыхъ, тайна распятія. Чьего? Сына? Нѣтъ,
Матери. Да, братіе мои, на крестъ былъ не одинъ
Сынъ, была и Матерь. Когда? И въ продолженіи всей
жизни, но особенно на Голгоѣ. Ибо не Самъ ли Бо-
жественный Сынъ сказалъ: *уже не приметь креста*
своего и въ слѣдъ Мене грядеть, нѣсть Мене достойнъ?
Кто-же могъ быть достойнѣе Сына, какъ Матерь? По-
тому никто и никогда не носилъ такого креста въ про-
долженіи своей жизни, какъ Преподобная Дѣва

Марія. Крестъ сей слагался не изъ дерева или вещества, а изъ величія, подобающаго Матери Божіей, и — изъ уничиженія, въ коемъ сія Матерь пребывала до самой смерти. Разсудите: самъ Архангелъ именуетъ Ее благодатною и приглашаетъ къ радости; Она носитъ уже во чревѣ Сына Божія; и въ то-же время должна страдать отъ подозрѣнія предъ хранителемъ своего дѣвства: и какого подозрѣнія? Что она брако-окрадованная!... Не крестъ ли это? Ей приближается время родить Того, Коего царствію не будетъ конца; и для Нея нѣтъ мѣста въ гостиницахъ Винолемскихъ; Она должна родить Его въ вертепъ и положить въ яслѣхъ!.. Не крестъ ли это? Ангелы поютъ: Слава въ вышнихъ Богу; воихвы поклоняются и приносятъ дары; и непосредственно за сѣмъ, спасаясь отъ Ирода, надобно бѣжать поспѣшно во Египетъ тѣмъ путемъ, который едва удобопроходимъ среди дня! Не крестъ ли это? А на Голгоѣ — что, вы думаете, чувствовала сердце Матери, когда Сынъ вопіялъ въ мукахъ: *Боже мой, Боже мой, вскуто Мл еси оставилъ?* Здѣсь-то, безъ сомнѣнія, исполнилось во всей силѣ ужасное предсказаніе Сүмеона: *яко и тебѣ самой пройдетъ душу оружіе!* Когда оружіе прошло самую

душу; то не было нужды прободать рукъ и ногъ: тайна духовнаго распятія — совершилась!..

Съ окончаніемъ сея тайны казалось и отъ Матери будетъ удалено все погребальное, какъ удалено отъ Сына, что Она, по воскресеніи, начнетъ видимо блистать на весь міръ славою Воскресшаго. Напротивъ! Марія до конца жизни пребудетъ въ неизвестности, среди доли самой смиренной. Почему такъ? Потому что за тайною сораспятія Сыну на Голгоѣѣ тотчасъ послѣдовала другая тайна усыновленія Іоанну; тайна мало къмъ примѣчаемая, но не менѣе изумительная и обильная пазиданіемъ духовнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, братія, размыслили ли вы когда-либо о семъ дивномъ усыновленіи, послѣдовавшемъ на Голгоѣѣ? Вникали-ль въ цѣль и духъ сего дѣйствія? — Для чего Матерь Сына Божія дается здѣсь въ матери ученику, и такимъ образомъ какъ-бы нпзводится на время съ высоты своего безпримѣрнаго величія? Уже-ли для того, чтобы Ей имѣть пристанище въ дому Іоанна? Но кто бы изъ вѣрующихъ, по воскресеніи Сына, могъ отказать въ убѣжищѣ Его Матери? — И со креста ли происходитъ такимъ земнымъ, неважнымъ распоряженіемъ? Нѣтъ, таинственныя слова: *жено, се сынъ твой!* имѣють смыслъ несказанно глубиній; ими

опредѣляется характеръ всей остальной жизни Богоматери; здѣсь ключъ къ изъясненію всѣхъ дальнѣйшихъ событій съ Нею. Внимайте!

Когда божество Сына, съ воскресеніемъ и вознесеніемъ Его на небо, открылось во всей силѣ; когда весь міръ началъ преклоняться предъ именемъ Распятаго: въ то время Матери Иисусовой естественно предстояла величайшая честь и слава, подобающая Матери Сына Божія, Спасителя человѣковъ. Никто, безъ сомнѣнія, не могъ быть достойнѣе Маріи сей чести и сей славы; и никто, безъ сомнѣнія, не употребилъ бы ихъ такъ свято и богоугодно, какъ Прѣблагословенная Дѣва: но слава въ продолженіе земной жизни лишила бы ее точнѣйшаго сходства съ божественнымъ Сыномъ, который до конца жизни своей не имѣлъ гдѣ приклонить главы. И вотъ въ усыновленіи Пресв. Дѣвы Іоанну на Голгоѣѣ, на самой вершинѣ духовнаго величія, въ самую минуту величайшей жертвы, отъ коей должна бы начаться слава Маріи, Она таинственными словами: *се сынъ твой!* низводится какъ-бы въ кругъ обыкновенныхъ матерей; усыновленіемъ Іоанну Ей указывается на всю остальную жизнь, — простую долю первой Христіанки.

И смотрите, какъ глубоко понята работою Господнею

ея тайна усыновленія! Какъ вѣрною остается Она во всю жизнь указанію со креста! Ибо что мы видимъ далѣе въ сей жизни? Рѣшительное удаленіе отъ всякой славы, при всемъ чудесномъ распространеніи Христіанства. Книга Дѣяній Апостольскихъ подробно повѣствуетъ объ устроеніи первыхъ Церквей Христіанскихъ; означаетъ дѣйствія главнѣйшихъ Апостоловъ; представляетъ различныя обращенія Іудеевъ и язычниковъ ко Христу; но Марію вы не видите. — Только разъ, и то мимоходомъ, упомянуто, что Она была вмѣстѣ съ учениками въ горницу Сіонской, въ день пятидесятницы. (Ибо какъ не быть при сошествіи Духа Той, которая зачала и родила отъ Духа?). Но потомъ ни слова о всей Ея остальной жизни, ни слова о самой кончинѣ. Скажите сами: не тайна ли это молчаніе? И что значить она, какъ не то, что Марія устраненіемъ себя отъ всякаго вида славы, явила новый опытъ смиренія самаго глубокаго, и такимъ образомъ сдѣлалась еще болѣе достойною того вѣща славы, который давно по всемъ правамъ принадлежалъ Ей?

Но надлежало же, рано или поздно, сойдти наконецъ сему вѣщу на главу честнѣйшей Херувимовъ и Серафимовъ; — и онъ сошелъ — во время ея успенія. Но жизнь, исполненная таинствъ, не осталась и здѣсь безъ

тайны. Не безпримѣрно было бы, если-бы Матерь Сына Божія взята была на небо, не испытавъ смерти! Сего высокаго жребія удостоились уже Энохъ и Илїя. Но Марїя суждено другое. Какъ-бы въ отраду и успокоеніе всѣмъ намъ, имѣющимъ проходить вратами смерти, и Матерь Божія умираетъ, и такимъ образомъ раздѣляетъ долгъ природы со всѣми земнородными. Но яко Матерь Сына Божія, Того, Кто сказалъ о себѣ: *Азъ есмь воскресеніе и животъ, вѣруй въ Мя, иже и умретъ оживетъ*, Марїя, подобно Божественному Сыну Ея, не удерживается узами смерти; тѣло Ея и въ гробѣ не видѣтъ истлѣнія; и, по прошествїи трехъ дней, взимается, одушевленное, со славою на небо. — Съ сплхъ поръ завѣсы всѣ припаты; одушевленная скрипїя Божія является во всей лѣпотѣ; свѣтъ Кнвотъ Новаго Завѣта поставленъ на свое мѣсто; честнѣйшая Херувимовъ вознесена превыше всѣхъ небесъ и вся вселенная начинаетъ ублажать Ту, которая содѣлалась источникомъ благословенїй для всего рода человѣческаго.

Созерцая таковыя тайны (а мы указали токмо самыя главныя) въ жизни Преподобнословенной Дѣвы, кто не воскликнетъ пылѣ радостно къ Ней вмѣстѣ съ Церковїю: *дѣсны твои тайны Богородице! Дивны въ*

твоємъ благодатномъ зачатіи и рожденіи, дивны въ твоємъ чудномъ введеніи во храмъ, и еще болѣе чудесномъ вхожденіи во Святаѣ святыхъ, дивны въ безпримѣрномъ обрученіи Св. Іосифу и пощеніи имени жены, безъ познанія мужа, дивны въ безсѣмелномъ, но плоти, зачатіи и рожденіи отъ Духа Святаго предвѣчнаго Сына Божія, дивны въ непрестанныхъ, по примѣру Сына и Бога, страданіяхъ и перенесеніи многочисленныхъ крестовъ и искушеній, дивны въ таинственномъ усыповленіи Іоанну и отверженіи всей земной славы, дивны наконецъ въ самомъ успеніи и взятіи потомъ пречистаго тѣла со славою на небо!

Но, братіе мои, удивляясь благоговѣйно святымъ тайнамъ промысла Божія въ жизни Преподобной Дѣвы и святолюбиво ублажая въ настоящій день, созерцаніемъ ихъ, память успенія Ея, не забудемъ при семъ, что и наша жизнь не безъ таинствъ, что сія тайны нашей жизни подобны тайнамъ въ жизни Богородицы, какъ образца всѣхъ нашихъ жизней; особенно же не забудемъ того, что нѣкоторыя изъ таинствъ нашей жизни совершаются надъ нами безъ насъ, а нѣкоторыя, и притомъ самыя важныя, отъ коихъ зависить наша вѣчная судьба, непременно требуютъ нашего участія, и, по недостатку его, не совершившись надъ на-

ми, могутъ подвергнуть насъ странному осужденію.

Какія тайны промысла Божія совершаются надъ нами безъ насъ и нашего участія? Это преимущественно двѣ тайны — нашего входа въ міръ сей и нашего исхода изъ онаго, то-есть, тайна нашего рожденія и смерти. Кто могъ опредѣлить свое происхожденіе на свѣтъ? Никто. Кто можетъ опредѣлить и свою кончину? Такъ-же никто. То и другое въ рукахъ Божіихъ: и поелику въ рукахъ Божіихъ, то мы можемъ быть спокойны касательно сихъ таинъ нашей жизни, твердо вѣруя, что всемогущество и премудрость Божія сдѣлали и сдѣлаютъ, если мы предадимъ себя въ волю Божию, за насъ и для насъ все, что нужно и полезно намъ, сдѣлаютъ такъ благоуспѣшно, какъ мы сами по себѣ никогда бы не сдѣлали.

Но другія тайны, и притомъ, какъ я сказалъ, самыя важныя, хотя непременно должны совершиться надъ нами въ продолженіе нашей жизни для нашего вѣчнаго счастья, но не могутъ совершиться въ насъ безъ насъ, безъ нашего произволенія и содѣйствія. Это тайна благодатнаго вселенія въ насъ Господа Иисуса, и тайна нашего соращенія ему въ духъ и истины. Ибо для чего Сынь Божій оставилъ небо и, все-

лившись во утробу преблагословенныя Дѣвы, явился
 человекомъ подобнымъ намъ? Для того, чтобы, совер-
 шивъ дѣло искупленія нашего, освободивъ насъ своею
 смертію отъ грѣха и проклятія, вселиться потомъ въ
 каждого изъ вѣрующихъ во имя Его своею благода-
 тію, вселиться до того, чтобы мы составляли съ Нимъ
 единый духъ. Безъ сего таинственнаго вселенія Его въ
 насъ и нашего соединенія съ Нимъ, тайна спасенія на-
 шего не можетъ совершиться въ насъ, и мы, не смо-
 тры на все наше видѣнное участіе въ вѣрѣ Христіан-
 ской и самыхъ таинствахъ ея, являясь нѣкогда чужды-
 ми Христа и царствія небснаго, Имъ для насъ при-
 обрѣтеннаго. Но тайна соединенія нашего со Спасите-
 лемъ нашимъ не можетъ совершиться безъ предвари-
 тельнаго очищенія грѣховной и нечистой природы на-
 шей, безъ умертвія нашего грѣху и чувственности, безъ
 самоотверженія растлывной самолюбіемъ и страстями
 воли нашей, кратко, безъ сораспятія ему въ духъ и
 сердце наше. Кто-же можетъ сдѣлать все сіе въ
 насъ безъ насъ? Явно, никто. Если мы не рѣшимся —
 умереть грѣху, дабы ожить со Христомъ новою бла-
 годатною жизнью, то останемся живы для міра, но
 мертвы для Бога; если останемся мертвы для Бо-
 га и жизни праведной, то Спаситель нашъ, яко Свя-

тѣйшіи святыхъ, не вселится въ насъ нечистыхъ, и нераскаянныхъ, и не содѣлается въ насъ началомъ и источникомъ жизни вѣчной; а безъ сего мы, служа міру, работая всю жизнь нашу плоти, умремъ въ грѣхахъ и будемъ отвержены отъ лица Божія.

Посему, видя, какъ сіи великія тайны совершились надъ самою Матерію Божіею, какъ Она чистотою жизни и смиреніемъ достигла благодати быть вмѣстилищемъ Сына Божія по плоти, какъ потомъ питала и сохраняла сію благодать подвигами чистой любви и самоотверженія, обратимъ вниманіе на свою жизнь и дѣйствія, дабы видѣть, есть ли въ насъ хотя начало сихъ таинъ, стараемся ли мы о благодатномъ приближеніи нашемъ въ духъ къ Спасителю нашему, о таинственномъ соединеніи съ Нимъ—всѣмъ существомъ своимъ, а для сего очищаемъ ли себя постепенно отъ всякой скверны плоти и духа, заключаемъ ли болѣе и болѣе волю нашу въ Его пресвятой волю, любимъ ли Крестъ Его и приносимъ ли благодушно искушенія, посылаемыя Имъ на насъ для нашего очищенія и для привлеченія насъ къ Нему. Благо тому, кто давно знакомъ съ этими великими и святыми тайнами и видѣть ихъ

совершенство надъ собою! Таковому остается только подвизаться и пребыть вѣрнымъ до конца. Благо и тому, кто хотя поздно позналъ важность сихъ таинъ для себя, но познавъ, не замедлилъ употребить все, чтобы они начали совершаться и надъ нимъ! Но что будетъ съ тѣмъ, кто вовсе не мыслить о своемъ спасеніи и своемъ Спасителѣ? Наступитъ и для него время послѣдняго таинства въ жизни, время смерти: но какъ ужасна будетъ сія тайна для него и сама по себѣ, а еще болѣе по своимъ послѣдствіямъ? Ибо если и смерть грѣшника, по свидѣтельству слова Божія, мота; то безсмертіе грѣшниковъ еще люте и ужаснѣе. Аминь.

С Л О В О,

ВЪ НЕДЕЛЮ XIII, СКАЗАННОВЪ ВЪ ВОЛОГОДСКОМЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѢ.

Слышали - ль вы громъ? видѣли - ль молнію?— Эта молнія сверкнула здѣсь; этотъ громъ прогремѣлъ въ семь храмъ. Ибо не здѣсь ли, не съ сего ли священнаго мѣста возглашено было нынѣ молніеносное слово Апостола: *Аще кто не любитъ Господа Иисуса, да будетъ проклятъ?* (1 Кор. 16, 22). Что же значать всѣ громы и молніи противъ единого проклятiя Божiя? Молнія и громъ поражаютъ въ одно извѣстное время и одно какое - либо мѣсто на землѣ; а проклятiе Божіе, разъ изреченное въ Раю, доселѣ всю землю заставляетъ покрываться терніемъ и волчцами. Громъ и молнія могутъ убить тѣло, отнять жизнь временную; а проклятiе Божіе можетъ

и дѣлу и тѣмъ вѣрещи на вѣки въ геенну огненную. И такъ, надобно прилежнѣе осмотрѣться, не стоимъ ли подъ снѣмъ ужаснымъ громомъ? Не привлекаемъ ли чѣмъ-либо на главу свою этой неугасимой молніи? Даже не пораженъ ли ею уже кто-либо? Ибо и это можетъ быть, что иной уже пораженъ ею, и не чувствуетъ своего пораженія; подобно тому, какъ пораженный громомъ и молніею чувствительною, не знаетъ своего положенія, и, если можетъ быть возвращенъ къ жизни, то помощію благотворной руки чуждой.

Аще кто не любитъ Господа Исуса, да будетъ проклятъ!

И такъ, довольно одной нелюбви къ Господу Иисусу, чтобы обрушиться на насъ гнѣву небесному. А мы обыкновенно думаемъ, что проклятіе небесное поражаетъ токмо самыхъ послѣднихъ преступниковъ, что для сего надобно быть Каиномъ, Іудею или Аріемъ богохульникомъ. На чемъ основывался, думаемъ мы такимъ образомъ? На томъ, что Богъ милосердъ, и прочіе люди не такъ худы и злы. Но гдѣ же, въ комъ же болѣе и открылось все милосердіе Божіе, какъ не въ лицѣ Единороднаго Сына Божія, за насъ на крестѣ умершаго? Если

я не люблю сего самаго милосердія, то есть, божественнаго лица, Искупителя моего; то что другое остается мнѣ, какъ не судъ, гнѣвъ и казнь? «Мы еще не такъ худы, чтобы быть предметомъ гнѣва небснаго». Но гдѣ же, въ комъ же вся наша правда и оправданіе, какъ не въ томъ — же лицѣ нашего божественнаго Ходатая? Если я не люблю сію правду въ Его лицѣ; то что остается мнѣ, какъ не моя собственная неправда, и слѣдовательно гнѣвъ небесный? Если — бы лице Спасителя нашего само по себѣ было не такъ любвособильно; то, можетъ быть, еще было бы сколько — нибудь извинительно — не любить Его: но теперь оно именно таково, что, смотря на него, должно сказать: Спаситель нашъ *весь любви есть!* Какъ — же не любить сей любви? И что остается не любящему ее, какъ не гнѣвъ и судъ? Посему, если бы Апостоль и не говорилъ намъ страшнаго слова на тѣхъ, кои не любятъ Господа Іисуса; то собственное наше сердце, Его любящее, должно бы произнести его. Въ такомъ случаѣ одно можетъ быть извиненіе — невѣдѣніе; а кто знаетъ Господа Іисуса, вѣдастъ, что Онъ сдѣлалъ и претерпѣлъ за насъ, и не любить Его, тотъ не имать вины о

грѣсь, тотъ явный врагъ всего святаго и потому неминуемо подлежить отверженію. *Аще кто не любитъ Господа Іисуса, да будетъ проклятъ!*

Кто же любить и кто не любить Господа Іисуса? Вопросъ крайне важный; ибо съ любовію соединено все благословеніе, и слѣд. жизнь вѣчная; а съ нелюбовію — явное проклятіе, и слѣд. смерть вѣчная.

Не любить Господа Іисуса тотъ, кто не старается узнать Господа Іисуса, тó, что Онъ сдѣлалъ и намѣренъ сдѣлать для насъ, и чего, желаетъ и требуетъ отъ насъ. Не любить Господа Іисуса тотъ, кто не старается исполнять заповѣди Его, подражать примѣру Его, уподобляться Ему въ своихъ мысляхъ, правахъ и поступкахъ. Не любить Господа Іисуса тотъ, кто не любитъ думать о Немъ, какъ-можно чаще представлять Его жизнь, какъ-можно живѣе поставлять себя въ Его невидимое присутствіе, давать Ему отчетъ въ своемъ поведеніи. Не любить Господа Іисуса тотъ, кто не любитъ слова Его, оставленнаго намъ въ Евангеліи, не любитъ Церкви, Имъ учрежденной, не любитъ таинствъ, Имъ преподаваемыхъ. Не любить Господа Іисуса, кто холоденъ къ Его славѣ, не старается

распространять познанія о Немъ, не защищаетъ имени Его, не стоитъ за святость Его Евангелія. Не любитъ Господа Ісуса, кто не хочетъ лишиться за Него благъ временныхъ, претерпѣть поношенія и гоненія отъ міра. Не любитъ Господа Ісуса, кто не ожидаетъ Его славнаго пришествія, не водится обываніями, Имъ данными, не приноситъ нѣ въ жертву суетныхъ надеждъ мірскихъ.

Сами видите, братія, что я беру черты любви самыя обыкновенныя, и такъ сказать неизбѣжныя, такія свойства и признаки, безъ коихъ и земная любовь была бы недостойна своего имени. Но когда совокупить и сіи немногія черты въ одинъ образъ, и приложитъ его къ намъ; то много ли найдется любящихъ Господа Ісуса? Значитъ, мы едва не веѣстоимъ подъ страшнымъ словомъ Апостола Христова! Стоимъ и не думаемъ о своей опасности! Думаемъ, напротивъ, что мы совершенно безопасны, и почему? Потому что носимъ имя (одно имя) Христіанъ, принадлежимъ (также по одному имени) къ Церкви Христовой, исполняемъ (машинально) нѣкоторые обряды ея, то-есть — потому именно надѣемся и почитаемъ себя безопасными, почему - бѣ надобно было страшиться и трепетать!

Да пробудится же вниманіе тѣхъ, кои способны еще возбудиться отъ сна и безпечности духовной! — Не напрасно слово Апостола поразило среди настоящаго служенія мысль мою, и повелительно заставило меня отверсть уста на повтореніе его въ служъ вамъ: ибо я не хотѣлъ нынѣ бесѣдовать съ вами. Можетъ быть, между нами есть именно такія души, для коихъ нужно было такое пробужденіе. И для кого же оно не нужно? Кто похвалится имѣть такую любовь къ Господу Іисусу, какую должно имѣть намъ къ Нему? И такъ, всѣ со страхомъ пріимемъ слово Апостола; и, возвратившись въ дома, размыслимъ: не падаетъ ли оно всею тяжестію своею и на насъ? — Аминь.

СЛОВО НАДГРОБНОЕ.

«Что сіе, еже о насъ бысть таинство? Како предахомся тлѣнію? Како сопрягохомся смерти? Восстину Бога повелѣніемъ, якоже писано есть, подающаго преставльшимся успокоеніе».

Такъ при каждомъ гробѣ вопрошаетъ Св. Церковь. При открытыхъ ей тайнахъ божественнаго міроуправленія одинъ гробъ постоянно тревожитъ ея матернее сердце. Тутъ она всякой разъ какъ-бы отрекается отъ своихъ высокихъ правъ невесты Христовой, смиренно нисходитъ въ кругъ болѣзнующихъ скорбію чадъ своихъ, и вмѣстѣ съ ними жалостно вопрошаетъ: что это за страшное совершается надъ нами таинство! Какъ мы, созданные по образу Бога безсмертнаго, подверглись смерти и тлѣнію? Какъ намъ, видимо превознесеннымъ надъ всемъ міромъ,

суждено обращаться въ персть подобно безловеснымъ?

Смерть чловѣка — подлинно великое таинство! Не тайна ли — вчера чловѣкъ, существо разумное, чувствующее, обтекающее мыслію небо и землю, дышащее безсмертіемъ и вѣчностію, способное идти сто разъ на самую смерть; а нынѣ — трупъ хладный, недвижимый, гніющій и приводящій въ ужасъ все живущее! И опять — не тайна ли, что это ужасное таиніе вводитъ насъ въ паки-бытіе, что въ семь жалкомъ бреніи таятся ростокъ жизни вѣчной, что подъ симъ распадающимся, отвратительнымъ рубищемъ сокрываются драгоценныя ризы брачныя! — Кто въ состояніи изъяснить сіи противоположности? — Тщетно бѣдный разумъ чловѣческій въ продолженіе цѣлыхъ тысячелѣтій усиливался разогнать мракъ гроба, проникнуть въ тайну смерти: печать доселѣ цѣла, покровъ непроницаемъ! И къ чему же, наконецъ, обратился несчастный? Къ тому, что смерть якобы совершенно естественна чловѣку, что иначе никогда не было и быть не можетъ. Почему такъ? Потому, говоритъ земное мудрованіе, что все, сложенное изъ частей должно, рано или поздно, разрушиться и умереть. Жалкое мудрованіе! А не ты ли, лженмшннй разумъ, въ то-же время утверждаешь, что міръ вѣченъ и будетъ

существовать всегда? Развѣ же онъ не сложенъ изъ частей? И гдѣ больше сихъ частей, въ міръ или въ тѣло человеческомъ? Если же сложность не препятствуетъ большому міру быть, по твоему сужденію, неразрушимымъ и безсмертнымъ; то почему бы, въ слѣдствіе сей-же самой сложности, долженъ неминуемо подлежать смерти и разрушенію малый міръ, то есть, человѣкъ? Не сложность частей производитъ смерть (она только условіе тѣлесной жизни), а безпорядокъ сихъ частей, вражда и борьба силъ, отсутствіе мира и единства. Но кто можетъ сказать, — и если-бы сказалъ, чѣмъ доказать, — что сего единства, сего согласія не было и быть не можетъ? Не къ тому ли стремится самая послѣдняя борьба силъ тѣлесныхъ въ человѣкѣ, чтобы возвратить его? Что самая смерть, какъ не порывъ къ безсмертію?

Какъ просто и вмѣстѣ глубоко, превыше разума, и вмѣстѣ удовлетворительно для самаго строгаго разума, разрѣшаетъ тайну смерти Слово Божіе! — Мы созданы были для безсмертія и снабжены къ тому всѣми средствами: но не устояли въ своемъ предначначеніи, вкусили отъ плода запрещеннаго, отравили себя ядомъ грѣха; и въ слѣдствіе сего подверглись смерти. Что простѣе и удовлетворительнѣе сего отвѣ-

та?— Не повторяется ли и нынѣ, въ маломъ видѣ, сей несчастный опытъ, когда человекъ вкушаетъ что-либо вредоносное и умираетъ? Не приводитъ ли иногда и нынѣ грѣхъ за собою смерти видимо, напр. въ сильномъ гнѣвѣ, даже въ сильномъ смѣхѣ?.. Зачѣмъ же недоумѣвать и спорить, когда смерть сказывается такимъ образомъ о своемъ происхожденіи сама собою?—

Но св. Вѣра не только пзъясняетъ намъ начало смерти, но указываетъ и на конецъ ея, о чемъ разумъ самъ по себѣ не смѣетъ и помыслить. По ея ученію, мы предаемся смерти не яко овцы заколенія, въ добычу всегдашнюю, невозвратимую, но какъ узникъ стражу, на заключеніе временное. Настанетъ часъ, такъ учить св. Вѣра, когда *всѣ, сущіи во гробѣхъ, услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ; и изыдутъ сотворити блага въ воскресеніе живота, а сотворити злая въ воскресеніе суди*. Желаемъ знать, откуда сія новая отрадная тайна? Какъ среди тлѣнія и смерти возсіяло нетлѣніе и жизнь? Вѣра вполне отвѣтствуетъ и на сіи вопросы. Мы воскреснемъ потому, говоритъ она, что держава смерти разрушена.— Кѣмъ? Сыномъ Божиимъ, нашимъ Спасителемъ. Какъ, и чрезъ что? Чрезъ то, что Онъ, облеченный нашею

плотию, будучи источникомъ жизни, благоволилъ подвергнуться смерти, сойдти во гробъ, и тамъ, отъ полноты божества своего, возсіять жизньъ и воскресеніе. Что можетъ быть для здраваго смысла удовлетворительнѣе сего изъясненія? Не случается ли видѣть, какъ сильное врачество прогоняетъ и уничтожаетъ самую мотую болѣзнь? Какъ неразрушимыя вещества, соединившись съ тлѣнными, спасаютъ ихъ отъ тлѣнія на многіе вѣка? Что-же удивительнаго, если воочеловѣченіе Сына Божія измѣнило природу человѣческую на лучшее? Если океанъ жизни, излившись чрезъ смерть Богочеловѣка въ область смерти, наполнилъ собою всѣ входы и исходы ея, и во всѣ гробы внесъ начало воскресенія? Какова причина, таково и дѣйствіе: Искупитель нашъ есть Богъ всемогущій; послѣ сего могла ли быть сомнительною побѣда надъ смертію?

И такъ, если-бы кто спросилъ тебя нынѣ, Христіанинъ: *како предахомся тлѣнію? како сопрягохомся смерти?* Ты твѣрдо вмѣстѣ съ Церковію можешь отвѣчать: *Бога повелѣніемъ, Бога правосуднаго, который не можетъ не карать нарушенія вѣчныхъ законовъ правды своей, не могъ по сему не предать человѣка грѣшника слѣдствіямъ его-же соб-*

ственного грѣха, ксого *оброуи смерть*. Равнымъ образомъ, если-бы кто спросилъ тебя, Христіанинъ: какъ мы воскреснемъ? Чьею силою возстанемъ изъ гробовъ своихъ? Ты твердо, вмѣстѣ съ словомъ Божіимъ, можешь отвѣчать: *Бога повелѣніемъ*, Бога милосердаго, который для воскресенія нашего послалъ Единороднаго Сына своего, за насъ умершаго и для насъ воскресшаго. Да, братія, Христіанинъ можетъ отвѣчать на сіи вопросы, къ коимъ разумъ со всею земною мудростію своею и подойти не смѣетъ. И сію-то вѣру, воспросвѣщающую, разсѣвающую мракъ самаго гроба, дерзають иногда называть темною!

Ахъ, если-бы мы были безпристрастны и судили какъ должно; то посему самому уже познавали бы пронехождение вѣры нашей выше. Тогда-какъ мудрость земная ограничиваетъ все наставленія, самыя обѣщанія свои тѣмъ, что она просвѣтитъ разумъ нашъ, образуетъ волю, укажетъ что намъ дѣлать и какъ достигать счастія на землѣ,— святая Вѣра, кромѣ всѣхъ сихъ благъ, доставляемыхъ ею въ самомъ лучшемъ и чистѣйшемъ видѣ, беретъ человека за руку, изводитъ его на кладбище, и говорить: смотри — ты смертенъ и потому ужасно несчастенъ; жаждешь без-

смертія и не можешъ видѣть ничего далѣе гроба: я разсѣю этотъ жалкій мракъ, объясню тебѣ сію тайну; вотъ какъ ты подвергся тлѣнію; вотъ какъ ты можешъ опять стяжать жизнь вѣчную!— Кто могъ на землѣ вѣщать такимъ языкомъ? принять на себя разрыненіе такой задачи? сразиться съ смертію, обнажить ея слабость и указать въ самомъ гробѣ начало жизни вѣчной?

Познаемъ же превосходство святой Вѣры нашей и научимся быть благодарными за тайну безсмертія, ею нами открываемую.

Въ чемъ должна состоять сія благодарность? Въ томъ, во-первыхъ, чтобы мы не скорбѣли безотрадно о умершихъ, подобно людямъ немущимъ упованія: ибо такая скорбь показала бы, что мы не вѣрнемъ сердцемъ тому, что исповѣдуются нашими устами.— Въ томъ, во-вторыхъ, чтобы мы со всею точностію и усердіемъ выполняли тѣ святые условія, подѣ коими Слово Божіе обѣщаетъ намъ жизнь вѣчную и блаженную. Условія сіи суть — живая вѣра въ побѣдителя смерти и ада, Искушителя нашего, Господа Іисуса, и сообразованіе нашей жизни съ Его заповѣдями. Кто исполненъ сего вѣрою, кто живетъ такою жизнью,

тотъ превъше всѣхъ сомнѣній, тотъ имѣетъ уже въ самомъ себѣ начало вѣчной жизни, и еще здѣсь, на землѣ, приобщается силы вѣка грядущаго. Аминь.

С Л О В О,

П Р И П О С Ъ Щ Е Н И И П А С Т В Ы,

СКАЗАННОЕ ВЪ БѢЛАВИНСКОЙ КАМЕННОЙ ПУСТЫНѢ,

ЧТО НА ОСТРОВУ КУБЕНСКАГО ОЗЕРА,

А ПАМЯТЬ ПР. ІЗАСАФА КАМЕНСКАГО, 1841 Г. СЕНТЯБРЯ 10 ДНЯ. (*)

*Терпя потерпѣхъ Господа, и внятъ ми, и услыша
молитеу мою: и возведе мя отъ рова страстей, и отъ
ѣренія пшны, и постави на камени нозѣ мои, и ис-
прави стопы моя: и вложи во уста моя пѣснь нову,
глаголюще Богу нашему. Узрятъ мѣстои и уболятся, и
споваютъ на Господа. (Псал. 39, 1—4.)*

Достигни къ вамъ путемъ новымъ и досель непро-
ходимымъ, видѣвъ на семь пути, подобно древнему

(*) Въ слѣдствіе чрезвычайной засухи, бывшей въ 1841 г., къ острогу
открылся сухой путь съ восточной стороны.

Израилю, острани себя сюду и сюду волны, и вознедиши потомъ на скалу вашу, окруженную шумящимъ озеромъ, я невольно вчера привелъ себя на память сіи слова Давидовы, и теперь обращаю ихъ къ вамъ вмѣсто праздничнаго привѣтствія. Чтобы сіе привѣтствіе не показалось однако же кому-либо неяснымъ, воскресимъ въ памяти нашей обстоятельства жизни Давидовой, послужившія поводомъ къ пропзнесенію словъ выше приведенныхъ.

Извѣстно, что Царь и Пророкъ, въ продолженіе своей жизни, подлежалъ множеству всякаго рода опасностей, и вѣншихъ—отъ гоненій Саула, и внутреннихъ—отъ преслѣдованій того врага, который самого Саула сдѣлалъ изъ Помазанника Божія человекомъ отверженнымъ. Спасаясь отъ преслѣдованій Саула бѣгствомъ, св. Давидъ не разъ обтекалъ горы и холмы Іудейскіе, и одна изъ утесистыхъ скалъ послужила ему къ рѣшительному торжеству надъ гонителемъ (1 Цар. 26, 13). Сей-то случай, конечно, имѣлъ онъ въ виду, когда вдохновенною тростію псалъ благодарственную пѣснь: *на камень вознесе мя, вознесе главу мою*. Но у Давида была и другая скала, другой камень прибѣжища, на которомъ спасался онъ отъ преслѣдованія духовнаго Саула, съ имѣмъ, какъ извѣст-

но, жестоко ратовавшаго, — а также отъ собственнаго *малодушія и отъ бури страстей*. Этотъ духовный камень былъ тотъ самый, пзъ коего, по свидѣтельству Апостола, пили пѣкогда Израильтяне въ пустынѣ воду жизни (1 Кор. 10, 4.), камень, который Навуходоносоръ, въ чудномъ сновидѣніи, видѣлъ пѣкогда отторгшимся отъ *горы — безъ рукъ*, поразившимъ собою и обратившимъ въ прахъ истуканъ царствъ земныхъ, — ставшимъ потомъ въ гору велику и наполнившимъ собою всю землю (Дан. 2, 34 — 36). Камень, на коемъ стоитъ Церковь Христова, не бояся вратъ адавыхъ, на коемъ утверждаются и отъ коего нѣютъ воду жизни всѣ вѣрующіе, то есть — Господь нашъ, Іисусъ Христосъ. Если какой камень, то сей, безъ сомнѣнія, не забытъ былъ Давидомъ, когда, отъ полноты благодарнаго сердца за оказанное благодѣяніе, онъ восклицалъ: *на камень вознесе мя: обыдохъ и поокрохъ жертву хваленія и восклицновенія!*

Видите теперь силу словъ Давидовыхъ, и почему они обращаются къ вамъ отъ меня вмѣсто праздничнаго привѣтствія! И вы вознесены на сугубый камень — чувствennyй и духовный; и подъ вами двѣ скалы — видная и невидная! Крѣпка скала видная: сколько въковъ озеро борется съ нею, хочетъ опрокинуть ее и

всегда возвращается вспять, такъ - что вы каждый день видите предъ собою исполненіе глагола Творческаго: *до сего дойдени и не прейдени; но въ тебѣ сокрушатся волны твоя*. Но сто кратъ крѣпче и несокрушимѣе скала невидимая, на коей утверждается внутренний челоѣкъ вашъ. Что можетъ противъ Господа и Спасителя нашего, весь міръ съ его соблазнами, самъ князь міра съ его темнымъ оружіемъ и воиствомъ? — Стойте же, возлюбленные, стойте непоколебимо на семъ духовномъ камени, утверждайтесь, возвышайтесь, и сами, *яко каменіе жисо, зиждитесь въ храмъ духовенъ, святительство свято, вознесите жертвы благопріятны Богови Іисусъ Христомъ!* (1 Пет. 2, 5). Доколь вы на семъ камени Вѣры, дотоль не страшны никакія волны пскушеній, никакія бури страстей: пошумятъ и пройдутъ; не дадутъ внѣшнему челоѣку вашему нѣсколько ночей спокойно уснуть, но не отнимутъ мира у духа; оторвутъ, унесутъ какой-либо кусокъ земли, то есть, что было въ васъ земнаго и печистаго, но не опровергнутъ храмы спасенія, утвержденной на камени. Когда возшумятъ вокругъ васъ буря и свирѣпыя волны начнутъ бить въ стѣны обители вашей, помышляйте при семъ; что на морѣ житейскихъ попеченій свирѣпствуютъ еще

большіе вѣтры, (сколько тамъ несчастій! сколько потопленій! сколько слезъ и стоновъ!), и, представляя вашу здѣсь духовную безопасность, повергайтесь съ благодарностію предъ Тѣмъ, Кто извелъ васъ отъ рова страстей, отъ брѣнія мірской тины и поставилъ на камени позъ ваши. А между тѣмъ памятуя, что среди бури и волнсній всегда могутъ быть люди на озерѣ, васъ окружающемъ, въ эту минуту, можетъ быть, борющіеся съ опасностію смерти, — воздѣвайте, какъ можно чаще, руки ваши къ небу и молитесь о спасеніи ихъ. — Да, возлюбленные, не напрасно скалъ, васъ на себѣ посящей, повѣлію стать на самой срединѣ бурнаго озера; это значить, что св. обитель ваша съ ея крестоносными главами должна служить въ знаменіе спасенія и прибѣжища для всей страны окрестной, для всѣхъ погибающихъ тѣломъ и духомъ. Не забывайте сего Божественнаго предназначенія! Да обрѣтають у васъ всѣ притекающіе сюда пріютъ радужный и благовременную помощь! А вмѣстѣ съ сими да обрѣтають они у васъ пристанище и покой душамъ своимъ! Давидъ за то, что вознесенъ былъ на камень, приносилъ Господу, его вознесшему, въ жертву овецъ и тельцовъ; а вы за то-же самое приносите пелѣнностью жертву безкровную, молясь о мирѣ

всего міра, о плавающихъ и труждающихся на озерахъ вашемъ, и объ отпущеніи грѣховъ тѣмъ, кои за симъ самымъ и приходятъ къ вамъ, особенно во дни свят. сорокадесятины. Да не исходитъ изъ таковыхъ никто ненаставленнымъ, неуврачеваннымъ, не утѣшеннымъ! Располагайте къ покаянію, и трогайте ихъ не столько словами, сколько слезами вашими. Такимъ образомъ безводная и неплодная скала ваша содѣлается, благодатию Божіею, неизсякаемымъ источникомъ благословеній для цѣлой страны, и превзойдетъ плодоносіемъ духовнымъ всѣ нивы и вертограды мірскіе.

Что сказать вамъ, кои съ такимъ усердіемъ, не смотря на трудность пути, оставивъ дома и всѣ занятія свои, собрались сюда на праздникъ пустынный? По самому усердію вашему къ сему мѣсту видно, что шумъ міра не заглушилъ вашего слуха духовнаго, что блага земныя не могутъ наполнить вашего сердца, что вы знаете цѣну уединенія и жизни отшельнической, и, можетъ быть, завидуете тѣмъ, кои обитаютъ здѣсь. Благословенно чувство, васъ сюда приведшее! Питайте святую тоску по небесномъ отечествѣ, укрѣпляйте ее всѣми средствами, а для сего, не оставляйте притекать подъ мирный кровъ сей святой обители. Но не скучайте, братія, своимъ состояніемъ, и не мыслите,

чтобы оно мѣняло вамъ быть истинными Христіанами. Нѣтъ, св. Праотцы всѣ жили въ супружескомъ состояніи; и однакоже Авраамъ заслужилъ нмѣ отца вѣрующихъ, Моисей имѣлъ семейство, и однакоже былъ Пророкъ, вождь народа Божія, чудотворецъ и другъ Божій. Надобно только, живя въ мірѣ, не порабощать духа міру, не прилепляться сердцемъ къ тѣлеснымъ благамъ его, не забывать обязанностей Евангельскихъ, удалиться грѣховъ и каяться въ тѣхъ, кои совершены волею или неволею: кто будетъ жить такимъ образомъ, тотъ и въ мірѣ получитъ спасеніе. Ибо отъ чего зависитъ спасеніе? Не отъ платья и одежды, не отъ мѣста и званія; а отъ вѣры и дѣлъ добрыхъ. Кто же не въ состояніи имѣть вѣру и творить добро? Тебѣ нельзя, напр., быть часто на службѣ Божіей? Въмѣсто сего что ни дѣлаешь, дѣлай во славу Божію; и ты всегда будешь на службѣ Божіей. Закидываешь ли мрежи и проводишь ночь на озерѣ; или воздѣлываешь землю и проводишь день на полѣ: коль скоро ты дѣлаешь то и другое призвавъ нмѣ Господа Іисуса, оградивъ себя крестомъ, съ намѣреніемъ употребить добытое трудомъ на дѣло благое; то съ тобою Ангелъ хранитель, съ тобою сама благодать Божія. То худо, если дѣла житейскія со-

вершаются по язычески, съ ропотомъ и клятвою, съ корыстолюбіемъ и обманомъ, для похоти и прихотей: тогда подлинно губится душа и тѣло. Но кто велитъ совершать свое дѣло такимъ образомъ? Это зависитъ отъ насъ, какъ отъ насъ-же зависитъ всѣ положенія и всѣ дѣла свои освящать молитвою.

Сими и подобными размышленіями утѣшайте и ободряйте себя, братія, и будьте увѣрены, что Царство небесное равно отверзто для всѣхъ, иноковъ и мірянъ, и что если въ міръ, — какъ иногда и въ обителяхъ иноческихъ, — погибають, то отъ самихъ себя, погибають не по недостатку средствъ ко спасенію, а потому что не пользовались ими, не радѣли о душѣ своей. Аминь.

С Л О В О,

ВЪ НЕДЕЛЮ ОСЬМУЮ-НАДЕСЯТЬ,

СКАЗАННОЕ ПРИ ПОСВЩЕНІИ НАСТВЫ,

ВЪ КАДНИКОВСКОМЪ СОБОРѢ.

Наставниче, обнови сю труждашся, ичесоужахомъ. Лук. 5, 6.

Какъ жалко, братія, слышать сію жалобу изъ устъ бѣдныхъ всенощныхъ труженниковъ! Но для чего она столько вѣковъ повторяется въ Евангеліи? Для того ли, чтобы возбудить въ насъ состраданіе къ Апостоламъ? Но, что нужды въ рыбахъ тѣмъ, кои уловили потомъ своими мрежами всю вселенную? Что нужды въ сожалѣніи нашемъ тѣмъ, кои всѣ давно увѣнчаны славою небесною и сто кратъ, можетъ быть, скорбятъ и сътуютъ о насъ, что мы такъ равнодуш-

ны къ достиженію сей славы, и намъ предназначенной? Если Евангеліе доселѣ повѣствуетъ о безуспѣшной ловитвѣ рыбъ; то потому, что въ лицѣ рыбарей — Апостоловъ, въ семь случаевъ, изображены все мы — съ нашими дѣлами и занятіями. Посему я не нахожу предмета болѣе назидательнаго для собесѣдованія съ вами, какъ приложить сію Апостольскую ловитву рыбъ къ нашей жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, братія мои, что все мы въ жизни сей, какъ не разнообразныя труженники надъ счастьемъ, какъ не ловцы на морѣ житейскихъ попеченій? У каждаго есть свои мрежи, своя ловитва, свои успѣхи и свои неудачи, свои выходы и свои цѣли. И такъ, позвольте при настоящемъ случаѣ спросить васъ, какова сія ловитва? Что пріобрѣтено доселѣ каждымъ изъ васъ? Достигнута ли цѣль? Удовлетворено ли желаніе? Довольны ли вы?

Ахъ, какъ намъ быть довольными, воскликнуть многіе внутренно, когда и мы, подобно Апостоламъ, *ойноуъ всю труждишеся, ницесоже яхомъ!* Чѣмъ не жертвовали мы для достиженія, такъ называемаго, счастья жизни, какихъ средствъ не употребляли, гдѣ и въ чемъ не искали его? — И все напрасно; время ушло, силы истощились, волосы наши убѣлены, руки

и умъ ослабѣли, далеко уже за полночь жизни, скоро можетъ быть, разсвѣтъ, — а мрежи наши пусты; мы едва покрываемъ наготу свою, едва имѣемъ хлѣбъ насущный. *Наставниче, обоишь всю труждащуюся, ничего не поможешь имъ!*

Сострадаемъ вамъ, бѣдные и неудачные труженники: но не можемъ похвалить васъ, если вы предаетесь ропоту на Провидѣніе. Бѣдность тягостна; но кто знаетъ — къ чему бы привели васъ богатство и роскошь? Всего вѣроятнѣе, что и съ вами случилось бы то-же самое, что болѣею частію бываетъ съ счастливыми міра; вы забыли бы Бога и совѣсть, предались бы забавамъ и страстямъ нечистымъ, очерпили бы душу и жили дѣлами неподобными. Чтожъ удивительнаго, если ~~Богъ~~ ^{Господь} Божій, провидя все сіе за васъ, поставила тайно препятствія на пути вашемъ и не дала достигнуть цѣли? спасла васъ такимъ образомъ отъ вашей же душевной гибели? Въмѣсто ропота на невыгоды своего состоянія, лучше воспользуйтесь его преимуществами, кои весьма велики и немаловажны. Какія это преимущества? То, что вы не опутаны, подобно счастливымъ міра, со главы до ногъ узами пристрастій мірскихъ; и потому сто кратъ свободнѣе ихъ въ избраніи новыхъ предметовъ любви и дѣятельности

вашей; то, что ваше сердце и вкусъ духовный неиспорчены ядовитою сладостію чувственныхъ грѣховныхъ удовольствій; и потому вы скорѣ можете полюбить блага духовныя, благодушнѣе перенести труды и подвиги жизни Христіанской. Міръ не благоприятствуетъ вамъ, бѣжитъ отъ васъ: что же? Бросьте и вы любовь къ нему, и обратите вашу душу и сердце всецѣлю къ Богу. Міръ дорого продаетъ свои блага и милости; а Евангеліе предлагаетъ всѣ сокровища свои: берите сколько угодно и обогащайте ими душу свою. Когда совѣсть ваша будетъ чиста, сердце умирно благодатію Божіею, насыщено предвкушеніемъ блаженства вѣчнаго; то всѣ блага міра, кои теперь такъ вамъ кажутся прелестны, потеряютъ для васъ цѣну, вы полюбите самую нищету свою; ~~и~~ а дѣлаетъ васъ свободными отъ міра и приближаетъ къ Богу.

Другіе изъ васъ, братія, могутъ, безъ сомнѣнія, на вышепредложенный вопросъ сказать совершенно противное, могутъ указать на обильную по видимому ловитву, на титулы и знаки отличія, ими пріобрѣтенныя, на кучи металла, лежація въ сундукахъ ихъ, на дома, ими воздвигнутые, на вертограды, ими насажденные, на множество друзей пріобрѣтенныхъ, на

множество враговъ ппзложенныхъ, на множество предпріятій совершенныхъ.

Привѣтствуемъ васъ, братія, съ сими успѣхами! Но позвольте еще спросить васъ: для чего вы старались пріобрѣтать то, что пріобрѣтено вами? Для чего достигали почестей и отличій, собирали сокровища, трудились и работали, сражались и побеждали? Уже ли для того только, чтобъ сказать: я сдѣлалъ то или другое? Безъ сомнѣнія, вы имѣли цѣль дальнѣйшую — ту, чтобъ доставить душѣ вашей покой и довольство, чтобы насытить свое сердце! — И такъ, достигли ли, при всѣхъ вашихъ средствахъ, сей последней цѣли? — Есть ли внутри васъ постоянный миръ и постоянная радость? Престало ль сердце ваше алкать и жаждать? Умеръ ли червь недовольства и скуки, грызущій обыкновенно сердце человѣческое? —

Ахъ, если, такъ называемые, счастливыцы міра захотятъ быть внимательны къ состоянію души своей, и сказать то, что происходитъ внутри ихъ, что они чувствуютъ и терпятъ; то и имъ едвали не придется повторить жалобу Апостоловъ: *обноиць всю труждашеся, ничесоже яхомъ!* насъ называютъ счастливыми, и мы сами себя принуждаемъ вѣрить тому; но, увы, это счастье только вокругъ насъ; въ насъ самихъ нѣтъ

его. При всей нашей высотѣ надъ собратіями нашими, и при всѣхъ почестяхъ и отличіяхъ, когда заглянешь внутрь себя, то видишь себя въ какой-то мрачной безднѣ, съ ужасомъ отворачасшь взоръ отъ того рабства міру, въ коемъ находишься, отъ тѣхъ безчисленныхъ принужденій и низостей, къ коимъ прибѣгать надобно было для достиженія внѣшняго величія и даже до-нынѣ прибѣгать надобно для поддержанія его. Мы пріобрѣли богатство и оно дано въ средство къ удовлетворенію нуждъ тѣлесныхъ, но за-то принесло съ собою множество горькихъ заботъ душевныхъ. Дни наши также мрачны, ночи тяжелы, сонъ безпокоенъ и нерѣдко бѣжитъ отъ насъ; огорченій, печалей, педуговъ — тьма! . . . Въ чувственныхъ удовольствіяхъ нѣтъ недостатка; но они давно перестали, услаждать насъ: чувства полны, а сердце пусто, душа ность, совѣсть преслѣдуетъ, и мы нерѣдко принуждены завидовать мирной долѣ послѣдняго бѣдняка. Будущее каждый часъ болѣе страшитъ, нежели радуетъ. Не разсыплется ли собранное нами? Не возвѣетъ ли противный вѣтръ, не опрокинетъ ли храмы счастія? Ахъ, міръ такъ лукавъ и измѣнчивъ, обстоятельства такъ шатки и сомнительны, связи такъ непрочны, что никто не можетъ поручиться за одинъ слѣдующій

день. И что будетъ тогда съ нами и нашими семей-
ствами, привыкшими къ нѣгѣ и роскоши? — А когда
подумаемъ еще о послѣднемъ часѣ жизни, — а онъ
видимо приближается — то трепеть объемлетъ сердце;
когда вспомнишь о томъ, что взять съ собою въ вѣч-
ность, съ чѣмъ явиться на судъ; то съ горестію ви-
дишь, что для неба еще ничего не приготовлено, что
все приобретенное принадлежитъ землѣ и тлѣннѣю, и
должно оставить насъ, и если-бы только оставило?
А что — если пойдетъ за нами, и будетъ тамъ свидѣ-
тельствовать противу насъ — о тѣхъ неправдахъ, коихъ
стоило приобретение, о тѣхъ соблазнахъ, коими со-
провождалось употребленіе, о тѣхъ грѣхахъ, коими
оно служило поводомъ и орудіемъ? Такія мысли не
даютъ покоя, преслѣдуютъ тайно день и ночь, то-
мать душу, изъѣдаютъ сердце, заставляютъ и насъ
сказать: *обноуъ всю труждаиися, ницесоуже яхомъ!*
Всю жизнь провели, по видимому, въ счастіи; а не-
счастнаго счастія не достигли, не достигли!

Что сказать вамъ, братія, на ваши жалобы? Какой
совѣтъ преподать? Поощрять ли къ новымъ трудамъ
и усиліямъ на поприщѣ земнаго счастія? Обицать ли
вамъ того въ будущемъ, чего вы не нашли въ про-
шеднемъ и не находите въ настоящемъ? Но это зна-

чло бы обманывать и себя и васъ. Нѣтъ, братія мои, какъ ни прискорбно, можетъ быть, для нѣкоторыхъ изъ васъ будетъ услышать истину; но мы должны возвѣстить ее въ слухъ всѣхъ. Доколь останетесь вы на пути міра, въ рабствѣ плоти и чувствамъ; доколь никогда не достигнете истиннаго счастья. Міръ не можетъ дать, чего самъ неимѣетъ. Свидѣтель Соломонъ. Чего не доставало у него? Чего не могъ онъ сдѣлать, какъ царь и мудрецъ? и все дѣлалъ; и все испыталъ: что же нашель? Нашель, что въ нашемъ мірѣ все суета и крушеніе духа, все, кромѣ страха Божія и добродѣтели. То-же будетъ и съ вами, если вы останетесь на томъ же пути, при тѣхъ-же средствахъ къ счастью: испытавъ все, вы не найдете его ни въ чемъ; и на самомъ концѣ жизни принуждены будете сказать: *обноиць всю тружидиешя, ницесояже яхомъ!* — Но какъ горька и вмѣстѣ безплодна будетъ тогда сія жалоба?

Что же, спросите, должно дѣлать? Перемѣнить путь, цѣль и средства, посвятить себя Богу и вѣчности, начать трудиться для души и неба, устремиться къ подвигамъ Вѣры и добродѣтели. Это не значить того, чтобы оставить свое званіе, или остановить теченіе вашихъ дѣлъ житейскихъ. Нѣтъ, пусть они текутъ

своимъ порядкомъ: каждый въ немъ же званіи призванъ бысть, въ томъ да пребываетъ. Но вы трудились доселѣ для земли и времени, во всемъ искали токмо своихъ выгодъ и своего удовольствія, во всѣхъ случаяхъ и отношеніяхъ водились самолюбіемъ; Богъ и вѣчность, совѣсть и душа были предметами второстепенными, можетъ быть, послѣдними. Да станетъ теперь все на свое мѣсто! Божественное, духовное, вѣчное да возьметъ верхъ и господство надъ земнымъ и чувственнымъ; вмѣсто самолюбія да содѣлается источникомъ дѣйствій любовь къ Богу и ближнему; блага земныя да употребятся на дѣла благія, несчастія и скорби да переносятся въ смиреніи и преданности волю Божіей, приготовленіе къ смерти да займетъ главное мѣсто между всѣми попеченіями! Когда произойдетъ сія благотворная перемѣна съ вами; то мы, именемъ Господа, обѣщаемъ покой душамъ. Счастью земному не повредитъ это: напротивъ, оно очистится, оевятится и получитъ истинную цѣну для васъ. Самое несчастіе, если - бы Господу угодно было послать его на васъ, потеряетъ горечь; ибо вы увидите въ немъ врачевство для исцѣленія отъ грѣховной проказы душъ вашихъ.

Вотъ нашъ совѣтъ, братія, совѣтъ всѣмъ и каждому! Другаго не можемъ дать; ибо другаго нѣтъ въ Евангеліи . Аминь .

С Л О В О ,

ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ПАСТВЫ,

СКАЗАННОЕ ВЪ ТОТЕМСКОМЪ

ОЕОДОСІЕВОМЪ СПАСОМУРИНОМЪ МОНАСТЫРѢ,

ВЪ Ц Е Р К В И,

ГДѢ ПОЧИВАЮТЪ СВ. МОЩИ ПРЕПОДОБНАГО ОЕОДОСІЯ.

Преподобный Отче Оеодосіе! Я твердо вѣрую, что ты, почивая здѣсь нетлѣнными мощами своими, никогда не оставляешь братію обителей твоихъ безъ должнаго наставленія, — что не только она, но и всѣ, притекающіе съ вѣрою къ святымъ и многоцѣлебнымъ мощамъ твоимъ, не отходятъ отъ тебя безъ тайнаго вразумленія въ думѣ и совѣсти. Но долгъ Пастыря, лежащій на слабыхъ раменахъ моихъ, велитъ и мнѣ благоговѣствовать слово истины.

И такъ, благослови отверсть уста для собесѣдованія съ братією твоею, и подкрѣпи слабое слово мое твоею крѣпкою молитвою.

Въ глубокую полночь достигъ я, братія, обители вашей; и однако же засталъ васъ всѣхъ бдящими и пшедшими на срѣщеніе меня съ горящими свѣтильниками. О, если - бы всѣмъ намъ срѣтись такимъ образомъ Того великаго Архіерея, *прошедшаго небеса*, который прійдетъ нѣкогда въ полунощи, и удостоится войти съ Нимъ въ свѣтлый чертогъ Его! И почему намъ и вамъ не имѣть сей благой надежды? Не для сего ли самага вы притекли на обитаніе подъ кровъ сей святой обители? Не для сего ли оставили все, что имѣли и могли имѣть въ міръ? Не для сего ли произнесли святыя обѣты и облеклись во вся оружія Божія? Не для сего ли переносите всѣ трудности и подвиги житія иноческаго и постническаго? При столькихъ средствахъ не достигнуть цѣли? Отъ столькихъ жертвъ не получить плода? После столькихъ сраженій не заслужить вѣнца? Что можетъ быть, не говорю горестнѣе, — постыднѣе? Что скажутъ о насъ въ такомъ случаѣ святыя Угодники Божіи, коихъ имени мы носимъ, у подножія коихъ живемъ, по слѣдамъ коихъ пошли, молитвами коихъ ограждаемся и

укрѣпляемся? Что скажете о насъ тогда самый міръ, нами оставленный, когда изъ среды его явятся люди, кои удостоятся войти въ свѣтлый чертогъ Жениха? Страшно, братія, и подумать о семъ: но должно думать! Когда великіе подвижники до конца жизни не рѣдко бывали въ страхъ за свое спасеніе; то намъ ли предаваться безпечности и самодовольству? Когда самъ св. Павелъ, восхищенный до третіяго неба, бывшій еще во время земной жизни въ раю, говоритъ: *Азъ себѣ не у помыслию достигши* (Фил. 3, 13.), то намъ ли возлечь спокойно на ложахъ своихъ въ томъ мнѣніи, что мы уже достигли? — *Забывая*, по слову сего же Апостола, *задняя, всегда простираются въ предняя* — вотъ наше правило и наша обязанность! Каждый день мы должны начинать такъ, какъ - бы еще ничего не было сдѣлано нами для своего спасенія; и каждый день оканчивать такъ, какъ - бы намъ уже нельзя было дѣлать ничего болѣе. Горе тому, кто отъ гордости и самомнѣнія, или отъ нерадѣнія и хладности — все равно — воздремлетъ на стражѣ души своей! Врагъ спасенія нашего не опуститъ сего случая, не замедлитъ, во время нашей дремоты, унести оружіе духовное, постарается опутать, какъ Далида Самсона, сѣтями чувственности духъ нашъ, набросить

смертоносную петлю на выю, и повлечь за собою въ пропасть адскую. Сугубое горе тому, кто съ полнымъ сознаниемъ отвращаетъ очи отъ высокой цѣли святаго званія своего, и устремляется вспять во Египеть духовнаго рабства! О, возлюбленные, блудитесь сего возвращенія вспять; а для сего поминайте чаще, по заповѣди самого Спасителя, жену Лотову. Что погубило ее и обратило въ столпъ сланный? Воззрѣніе вспять на Содомъ погибающій. Этотъ погибающій градъ есть міръ лукавый и грѣшный, вами оставленный. И его ожидаетъ та-же участь, какая постигла грады, преогорчившіе Господа, — огонь и жупель. Ангелы хранители ваши привели васъ изъ суетъ житейскихъ, препроводили въ Сигорь духовный, здѣшнюю Богоспасаемую обитель: не озирайтесь же вспять къ благамъ міра, вами оставленнымъ. Что вамъ въ нихъ? Вы и теперь, въ сей жизни, уже нашли блага лучшія — беззаботность отъ суеты мірской, свободу духа, покой душевный; но это одинъ залогъ благъ будущихъ. Тамъ, по свидѣтельству слова Божія, уготовано истиннымъ подвижникамъ то, чего око не видало, ухо не слышало, что не восходило на самое сердце человѣческое. Есть чего подождать, есть для чего потрудиться! А міръ, обольщающій настоящимъ, развѣ вдругъ

даетъ, что общаетъ? Когда требуетъ поклоненія себѣ, онъ каждый разъ говоритъ: *сія вся дама ти*: но поклонись ему, и увидишь, какъ онъ лишитъ тебя всѣхъ твоихъ собственныхъ совершенствъ и, вместо награды, пошлетъ пасти свиніи. Въ самомъ дѣлѣ, присмотритесь къ лицу людей, посѣщающихъ ванну обитель; много ли увидите свѣтлой радости на семъ лицѣ, много ли довольства и мира душевнаго? Всеъ воздыхаютъ и стонутъ, — бѣдные и богатые, безславные и славные; всеъ приходятъ у васъ искать утѣшенія и отрады душъ и сердцу. Научитесь же, хотя изъ чуждаго, ежедневнаго опыта, познавать преимущество вашего состоянія и пользуйтесь имъ какъ должно.

Отъ чего наиболѣе всегда страдала и теперь страдаетъ жизнь ипоческая? Отъ чего гибнуть нерѣдко труды долготѣнія, прежніе подвиги самоотверженія и набожности? Отъ невоздержанія. Рышиться прямо на дѣла неподобныя не могутъ многіе изъ самыхъ міролюбцевъ; инокъ тѣмъ паче защищенъ отъ того многими, даже внѣшними преградами. Но чувственность и плотоугодіе, особенно въ умѣренномъ видѣ, какъ это бываетъ сначала, кажутся невинными утѣшеніями плоти, даже вѣкинъ родомъ необходимаго подкрѣпленія силъ, тѣмъ паче слабости тѣлесной. Но потокъ чув-

ственности, единожды открывшись въ душѣ, и незагражденный тотчасъ святымъ воздержаніемъ, подобенъ потокамъ горнымъ, стремится долу и растетъ, растетъ и ширится, ширится и свирѣѣтъ, разсвирѣтѣвъ, все опровергаетъ и уноситъ съ собою. Что вначалѣ могло быть заграждено рукою младенца, противъ того тщетно силится стать потомъ и великанъ. О чемъ въ состояніи воздержанія и думать почиталось за грѣхъ, то, въ состояніи невоздержанія, совершать считается едва не за добродѣтель. Не такъ-ли низвергаются въ бездну грѣха иногда тѣ, кои подавали о себѣ самыя прекрасныя духовныя надежды, кои долго трудились, высоко взопли, и долго стояли на высотѣ?

Имѣя въ виду сіе, возлюбленные, никогда не слагайте съ себя святыхъ узъ воздержанія. А для сего поминайте чаще Лота и его заключеніе. Примѣръ страшный! Живя въ Содомѣ, онъ былъ чистъ и удостоился посѣщенія Ангельскаго; а достигши Сигора, палъ, какъ не падаютъ многіе изъ самыхъ грѣшниковъ. Отчего? оттого что, живя въ Содомѣ, бдѣлъ надъ собою и ограждался постомъ; а пребывая въ Сигорѣ, забылъ на- время святое воздержаніе. Если съ праведникомъ случилось такое ужасное паденіе отъ невоздержанія; то чего не сдѣлаетъ оно изъ насъ, сла-

быхъ и поползновенныхъ ко грѣху? Но Лотъ заглади́тъ свое паденіе; а о насъ, еди́нъ Богъ въдае́тъ, можно ли сказать, что мы, падши, возстанемъ.

Впрочемъ, если-бы кого и постигло искушеніе, не отчаявайся. Рана и сокрушеніе обратятся на главу врага, коль скоро покаешься и оставишь грѣхъ. Смирненіе есть наилучшая изъ добродѣтелей; а кому естественнѣе имѣть его какъ не падавшему? Этотъ драгоценный плодъ, то-есть смиреніе, всегда можно пожнать послѣ самыхъ грѣхопаденій нашихъ. Не надобно, только медлить въ безднѣ, должно тотчасъ вопіять о помощи, и дать себя извести изъ рова страстей. Мало ли у васъ помощниковъ и предстателей духовныхъ? Кромѣ благодати Божіей, никогда неоставляющей грѣшника, на сіе готовы всѣ святыя Ангелы и всѣ угодники Божіи, тѣмъ паче Преподобный Θεодосій, вашъ начальовождъ и хранитель. Къ нему прибѣгайте, ему исповѣдайте грѣхи свои, у него просите помощи: онъ не оставитъ чадъ своихъ!

Прочее же, братіе моя, елика суть честна, елика истина, елика праведна, елика прелюбезна, аще кая добродѣтель, и аще кая похвала, сіа помышляйте (Фил. 4, 8). Богъ же всякія благодати, возведый изъ мертвыхъ Пастыря оцемъ великаго кровію завета

вѣчнаго, и призвавый насъ въ вѣчную свою славу о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ, Той насъ, мало пострадавшихъ, да совершитъ, да утвердитъ, да укрѣпитъ, (1 Петр. 5, 10. Евр. 13, 20.), да осудитъ, и да сокрушитъ сатану подъ ноги наши (Рим. 16, 20). Аминь.

С Л О В О ,

ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ПАСТВЫ,

СКАЗАННОЕ ВЪ ТОТЕМСКОЙ ПРИГОРОДИИ,

ЧТО НА СОЛЕНОМЪ ЗАВОДѢ,

ЦЕРКВИ ВОСКРЕСЕНІЯ ГОСПОДНЯ.

Добро соль: аще же соль не слана будетъ, чимъ осолится? нивочтоже будетъ къ тому, точію да изсыпана будетъ воиъ и попирасма чловѣки. Имъйте соль въ себѣ. — (Марк. 9, 50. Мат. 5, 13).

Какъ богата и неизчерпаема сокровищница слова Божія! И какъ легко Христіанскимъ проповѣдникамъ дѣлать свое дѣло! стоитъ только обращаться къ сей сокровищницѣ и взимать изъ нея, что нужно.

Сами согласитесь, братія, что промыслъ, коимъ постоянно занимаетесь вы здѣсь, не изъ самыхъ обыкно-

венныхъ занятій и промысловъ. — Мнѣ хотѣлось однако-же преподать вамъ наставленіе, по роду самыхъ занятій вашихъ. И вотъ, едва-только я помыслилъ о семъ, какъ представились мнѣ вышесказанныя слова Спасителя. Сами видите, какъ они близко идутъ къ вашему состоянію, и что въ нихъ содержится богатый урокъ для васъ. Углубимся же въ сей божественный источникъ назиданія, для пріобрѣтенія изъ него соли духовной.

Добро соль. И такъ, само слово Божіе похваляетъ предметъ вашихъ занятій. Обстоятельство не маловажное для васъ, кои проводите надъ солію, можно сказать, всю жизнь вашу.

Хотя никакой предметъ труда не можетъ унижить трудящагося, коль скоро онъ честенъ и полезенъ обществу: однако же лучше, безъ сомнѣнія, для трудящагося, если самый предметъ его всегдашнихъ занятій чистъ и здоровъ, тѣмъ паче если и поучителенъ для него. Предметъ вашего труда таковъ именно, но свидѣтельству самаго слова Божія: *Добро соль!* Чѣмъ добро? — тѣмъ, что это одна изъ самыхъ чистыхъ стихій земныхъ; — тѣмъ, что соль придаетъ въ устахъ человѣка всему вкусъ и пріятность; — тѣмъ, наконецъ, что соль есть употребительнѣйшее средство къ сохра-

ненію слабыхъ вещей отъ порчи и тлѣнія. Посему-то соль издревле служила у всѣхъ народовъ символомъ совершенствъ духовныхъ, особенно мудрости, твердости и постоянства, вѣрности и цѣломудрія. — Посему-то, безъ сомнѣнія, когда предписывалось чрезъ Моисея Израильскому народу приносить Господу разныя жертвы; то вмѣнено въ обязанность, чтобы каждая изъ нихъ была осолена солію (Лев. 2, 13). Посему-то, на конецъ, Господь самихъ Апостоловъ своихъ сравнивалъ съ солію: *вы есте соль земли!* (Мат. 5, 13).

Какъ не добро послѣ сего соль? И какъ не добро имѣть ее предъ очами, дабы полюбить тѣ прекрасныя добродѣтели, кои она выражаетъ собою! Вы слышали, какія это добродѣтели: чистота, постоянство и нетлѣніе. Старайтесь же имѣть ихъ, братія; будьте и въ нравахъ и въ жизни чисты какъ соль, постоянны какъ соль, благопріятны всѣмъ, какъ соль, удалены отъ порчи и тлѣнія, какъ соль. Постыдно было бы цѣлый вѣкъ трудиться надъ солію, и между тѣмъ оставаться растлѣннымъ въ своихъ нравахъ, быть гнилымъ въ рѣчахъ и словахъ.

Какъ соль получаетъ свои прекрасныя качества? посредствомъ огня; безъ огня не было бы хорошей соли. Замѣтьте сіе, и старайтесь благодушно переносить

скорби и лишёнія, неизбѣжныя въ жизни каждаго: это огонь, необходимый для нашего очищенія. Кто пользуется сплѣ огнемъ какъ должно, тотъ самъ становится чистою солію на трапезу Господню.

Добро соль: аще соль обулетъ, чимъ осолится? ничтоже будетъ къ тому, тоію да изсыпана будетъ соль и попираема челоѡьки.

Не смотря на добротность состава своего, соль, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, можетъ терять свои прекрасныя качества; становится несоленою и недѣйствительною. Нѣтъ ничего хуже такой обуявшей соли: она рѣшительно неспособна ни къ чему, даже вредить той землѣ, на которую ее высыпать. Такъ бываетъ съ солію: такъ бываетъ и съ людьми. Если служители олтара престанутъ учить здраво, священнодѣйствовать со страхомъ Божиимъ; если не будутъ подавать примѣра благой жизни; то что они, какъ не соль обуявшая, и что остается сей соли, какъ быть высыпанною на всеобщее поправіе? Если начальники и представители работъ и трудовъ не будутъ оказывать справедливости въ требованіяхъ и воздаваніяхъ, не будутъ снисходить немощи и нуждамъ трудящихся, не будутъ служить имъ примѣромъ усердія къ Церкви Божіей, воздержанія и кротости; то что они, какъ не соль

обуявшая? И куда годна сія соль, какъ не на то, чтобы ее изсыпать вонъ и попирать ногами? И вы, отцы и матери, если младыя дѣти наслушаются отъ васъ словъ срамныхъ, насмотрятся дѣлъ неподобныхъ; то что вы, какъ не соль обуявшая? Чѣмъ послѣ сего осолиться юному поколѣнію и избыть ранняго растлѣнія нравовъ? И что ожидаетъ нѣкогда васъ самихъ, когда вы явитесь предъ Отца небеснаго съ дѣтьми, развращеннымъ примѣромъ вашимъ? — *Нисколько же будетъ, точно да изсыплется вонъ въ покраніе человѣкомъ.*

Имѣйте соль въ себѣ. Заповѣдь крайне примѣчательная для всякаго, тѣмъ паче для васъ, кои трудитесь постоянно надъ солію. Слышите ли? мало имѣть соль въ себѣ, подъ своимъ стопами, и въ своихъ рукахъ; надобно, по слову Господа, имѣть соль въ самихъ себѣ. Что это за соль внутренняя? — Въ тѣлѣ человѣческомъ, какъ въ маломъ мірѣ, находятся всѣ стихіи; есть и соль, какъ необходимая часть цѣлаго. Но сія соль не зависитъ отъ насъ; нельзя по произволу ни имѣть, ни не имѣть ея; хотя недостатокъ естественной соляности въ тѣлѣ всегда сопровождается его разстройствомъ и болѣзнями. Бываетъ и въ душѣ человѣческой природная соль: это самое выражаемъ

мы, когда говоримъ, такой-то человекъ съ солію, въ его словахъ много соли; то-есть, онъ остръ и уменъ; его слова замысловаты и пріятны. Но и такой соли, съ одной стороны, нельзя имѣть, кто не получилъ ея отъ природы; а съ другой—сія соль, какъ показываетъ опытъ, не только не спасаетъ отъ тлѣнія, а нерѣдко сама производитъ тлѣніе духовное, обнаруживаясь въ вольномысліи и шуткахъ зловредныхъ, въ кощунствѣ, пересудахъ и злоречіи.

Какую же соль заповѣдуютъ намъ имѣть въ самихъ себѣ? Соль благодати, отвѣтствуетъ Ап. Павелъ. *Слово ваше*, говоритъ онъ, *да будетъ солию благодати растворено* (Кол. 10, 8). Если слово должно быть растворено солію благодати, то и мысль; если мысль, то и умъ; если умъ, то и душа. Благодать, и только она одна, своимъ дѣйствіемъ, своимъ огнемъ всеобщающимъ, образуетъ въ насъ соль духовную, исправляетъ и содѣлываетъ благопотребною и соль естественную. У человека облагодатствованнаго Духомъ Святымъ все бываетъ растворено солію благодати — мысль и чувство, слово и взглядъ; самый тѣлесный составъ, проникнутый сею солію, забываетъ свое тлѣніе, какъ показываетъ примѣръ нетлѣнныхъ тѣлесъ Св. Угодниковъ Божіихъ.

Но намъ ли, подумаетъ кто-либо изъ васъ, имѣть въ себѣ такую чудную соль и такую великую благодать? Въ нашемъ ли состояніи думать о такомъ совершенствѣ? А почему бы не только не думать о немъ, но и не имѣть его? Развѣ мы крестились всѣ не Духомъ Святымъ? Развѣ у Него неостанетъ изжидительнаго огня для образованія во всѣхъ насъ соли благодатной! Кто теперь Преподобный Феодосій Тотемскій?

Другъ Божій, собесѣдникъ и сожитель Ангеловъ, украшеніе Церкви Православной и свѣтило страны нашей. Но и онъ жилъ нѣкогда на сѣмъ-же мѣстѣ, трудился надъ тѣмъ-же дѣломъ, конемъ занимаетесь вы; подобно вамъ копалъ землю, рубилъ дрова, сидѣлъ у огня день и ночь. Не помѣшали же ему всѣ сіи, такъ называемые, черные труды убѣлится душою своею паче снѣга; не воспрепятствовали же ему сіи грубыя и плотскія занятія — утончить свой духъ, сдѣлаться сосудомъ благодати, духовною солю земли Тотемской. Какъ онъ могъ совмѣстить такой родъ жизни съ такими совершенствами духовными? тѣмъ, что среди всѣхъ занятій ограждалъ себя смиреніемъ и страхомъ Божиимъ, тѣмъ, что на все вокругъ себя смотрѣлъ чистыми очами Вѣры и изъ всего умѣлъ извлекать назиданіе и пользу духовную. Чувственная соль, которую

С Л О В О,

ПРИ ПОСВЩЕНІИ ПАСТВЫ,

СКАЗАННОЕ ВЪ УСТЮЖСКОМЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѢ.

Прежде всего благодарю Господа, что даровалъ мнѣ быть въ вашемъ богоснасаемомъ градѣ и поклониться святымъ мощамъ Угодниковъ Божіихъ, въ немъ почивающихъ! Благодарю Господа, что сподобилъ меня воздѣть молитвенно къ Нему слабыя руки мои на томъ мѣстѣ, гдѣ воздѣвали ихъ святолюбно преподобный Прокопій и Іоаннъ, Корнилій и Леонтій! Не малое преимущество, братія, жить въ такомъ градѣ, у подножія Святыхъ Божіихъ! Кто бы, напр., отвратилъ ужасную каменную тучу, висѣвшую нѣкогда надъ городомъ симъ, если-бы въ немъ не было тогда св. Про-

копія? Безъ сомнѣнія, и по успеніи своемъ св. Угодники не оставляють особеннымъ заступленіемъ своимъ тѣ мѣста, гдѣ почивають нетлѣнными останками своими, и живущіе на сихъ мѣстахъ имѣють добрый залогъ упованія во всякой скорби и обстояніи.

Но, братія мои, видимая близость къ намъ св. Угодниковъ Божіихъ, только полезная для насъ во всѣхъ отношеніяхъ, требуетъ и отъ насъ особеннаго преспеянія въ вѣрѣ и добродѣтеляхъ Христіанскихъ. Иначе мы подвергнемся гораздо большому осужденію, въ сравненіи съ другими, за нашу нечистоту и нерадѣніе, какъ имѣніе предъ собою особенный примѣръ благочестія, особенное побужденіе быть истинными Христіанами.

И такъ, позвольте мнѣ, по долгу Пастыря Церкви, войти съ вами въ разсмотрѣніе духовнаго состоянія вашего и для сего предложить любви вашей нѣсколько вопросовъ.

И во-первыхъ, храните ли вы въ цѣлости драгоценный залогъ вѣры, преданный каждому изъ насъ при святомъ крещеніи? Памятуете ли, что всѣ мы, кто бы ни были, есмы существа падшія, кои, бывъ сзданы невинными, украшены образомъ Божіимъ, поставлены въ раи сладости, предназначены къ безсмертію и блаженству вѣчному, не умѣли стоять на высо-

тъ богоподобія, послушались совѣта змѣйнаго, низверглись произвольно въ бездну преслушанія и грѣха, разбились въ прахъ и потеряли все, что имѣли и могли имѣть? Памятуете ли, что для возстановленія насъ отъ сего ужаснаго паденія, для изведенія изъ бездны грѣха и тлѣнія, сошелъ на землю самъ Сынъ Божій; облекся нашею плотію, жилъ подобно намъ, претерпѣлъ все роды бѣдности и поношеній, умеръ за насъ на крестѣ, сошелъ во адъ, и потомъ, воскресши изъ мертвыхъ, вознесся на небо, дабы со престола славы управлять всѣмъ міромъ къ нашему спасенію? Памятуете ли, что сей возлюбленный Искупитель нашъ, вознесшись на небо, послалъ намъ вмѣсто себе *иного Утѣшителя*, Духа пресвятаго, дабы Онъ пребывалъ съ нами во вѣкъ, наставлялъ насъ на всякую истину, утѣшалъ насъ во всякой скорби; — что сей всеблагій Духъ просвѣщаетъ насъ въ Пророкахъ и Апостолахъ, освящаетъ и врачуетъ въ таинствахъ Церкви, что Онъ обитаетъ благодатію своею въ каждой душѣ, которая не изгоняетъ Его изъ себя своею нечистотою и нераскаянностію? Памятуете ли, что у всѣхъ насъ есть общая, Самимъ Богомъ данная мать, — Церковь Христова, которая отрождаетъ всѣхъ насъ водою и духомъ въ таинствѣ Крещенія, питаетъ всѣхъ насъ сло-

вомъ Божиимъ и Тѣломъ и Кровію Христоваго въ таинствѣ причащенія, врачуеъ души и совѣсти въ покаяніи и исповѣди, сопровождаетъ насъ въ самыя двери гроба разрѣшеніемъ и молитвами своими, что связанное или разрѣшенное служителями ея связуется или разрѣшается въ то-же время на небѣ, и что всякъ, противившійся святымъ уставамъ Церкви, но сему самому, есть хуже мытаря и язычника? Памятуете ли, наконецъ, что всѣ мы здѣсь на землѣ — на краткое время, что всѣхъ насъ ожидаетъ смерть и судъ, что настанетъ время, когда все видимое прейдетъ, всѣ умершіе возстанутъ, дабы воспріять по дѣламъ своимъ, и что тогда истинно показавшіеся получать блаженство нескончаемое, а нераскаянные подвергнутся вѣчнымъ мукамъ во адѣ?

Вотъ сущность святой Вѣры нашей! — Она высока и вмѣстѣ открыта каждому, какъ сводъ небесный; глубока, неисчерпаема и вмѣстѣ доступна всякому, какъ море; неизслѣдима въ существѣ и вмѣстѣ благотворна для всѣхъ и вездѣ, какъ солнце. Храните, братія, сію святую Вѣру: за нее Мученики пролили всю кровь свою; ей святыя подвижники посвятили всю жизнь свою; для нея скитались въ горахъ и пропасть земныхъ тѣхъ, коихъ, по слову Апостола, не бѣ

достойнъ весь міръ (Евр. 11, 28). Стыдно и грѣшно будетъ намъ, если мы не сохранимъ сей святой Вѣры теперь, когда ничто не отвращаетъ отъ нея, и все побуждаетъ хранить ее въ цѣлости.

Соблюдая Вѣру правую, стараетесь ли, братія, жить по правиламъ сей святой Вѣры? Вы знаете, чего требуетъ она отъ насъ, — чтобъ мы нелюбимъ міра ни яже въ міръ, чтобы избѣгали похоти плоти, похоти очесъ и гордости житейской, чтобы препровождали жизнь въ цѣломудріи, благочестіи и правдѣ, чтобъ были милостивы, кротки, великодушны, чтобы помышляли и исполняли, по слову Апостола, *вся елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика прехвальна, аще калъ добродѣтель, и аще кая похвала* (Фил. 4, 8). Такова ли ваша жизнь, возлюбленные? Кого Богъ благословилъ дарами счастія, благодарить ли тотъ Бога, и употребляетъ ли сіи дары во славу Его и на пользу ближнихъ? Кого Богъ благословилъ несчастіемъ, смиряется ли тотъ подъ крѣпкую руку Божию, носитъ ли свой крестъ благодушно и пользуется ли имъ для очищенія и освященія души своей? — Отцы и матери, воспитываете ли дѣтей вашихъ въ страхъ Божіемъ, и подаете ли имъ примѣръ жизни святой и богоугодной? Чада и домочадцы, воз-

награждаете ли своею любовію и послушаніемъ родителямъ заботы и труды, для васъ подъемлемые, услаждаете ли своимъ усердіемъ и нѣжностію ихъ старость и немощи? — Господа и властители, помните ли, что и надъ вами есть Владыка, коему должны вы будете нѣкогда дать отчетъ въ участіи подручныхъ вамъ, и не страдаютъ ли они отъ вашей жестокости и вашихъ прихотей? Слуги и рабы, служите ли господамъ своимъ по-христіански, трудясь отъ души, а не *предъ очами точію работающе*? Знаете ли, что вы служите не челоуѣкамъ, а Господу, который поставль васъ при рожденіи въ сіе состояніе, и что чѣмъ труднѣе жребій вашъ *здѣсь*, тѣмъ большая ожидаетъ васъ награда *тамъ*? Христіанство не уничтожаетъ различія званій и состояній земныхъ; но оно облагораживаетъ и освящаетъ ихъ всѣ. Христіанинъ превъыше земныхъ отношеній; каждое званіе для него есть только переходъ къ одному званію всеобщему, небесному. Тамъ все изравняется, все вознаградится сторицею; тамъ соединимся всѣ, и составимъ единое семейство Отца небеснаго.

Имѣя въ виду сію высокую цѣль бытія вашего, и зная, что въ будущее вѣчное царствіе Божіе не внидетъ ничтоже нечистое, стараетесь ли, братія, очи-

щать себя отъ всякія скверны плоти и духа, и украшать себя тѣми добродѣтелями, кои приличны наследникамъ сего царствія? бѣгаете ли грѣха и соблазна, какъ язвы? Ищете ли дѣлъ благихъ, какъ сокровища? Стремитесь ли къ истинѣ? Любите ли правду? Услаждаетесь ли чистотою? Держитесь ли воздержанія? Храните ли кротость и смиреніе?

Господь премоисердый, вѣдый всю существа нашего немощь, преподаль намъ надѣйствительнѣйшее средство къ изглаженію самыхъ грѣхопаденій нашихъ: я разумью — покаяніе и исповѣдь. Пользуетесь ли вы симъ драгоцѣннымъ средствомъ, какъ должно? И производитъ ли оно въ васъ то, что должно? — пользуетесь ли? Мы ежедневно омываемъ лице и руки; почитаемъ за-необходимое чистить платье, обувь и внутренность домовъ нашихъ: какъ-же хотя разъ въ годъ не омыть души и сердца слезами покаянія? Не очиститъ совѣсти исповѣдію? Но покаяніе дѣйствительно только, когда оно сопровождается истиннымъ раскаяніемъ во грѣхахъ; исповѣдь сильна тогда только, когда мы не возвращаемся пакы на тѣ грѣхи, въ коихъ пріѣли отпущеніе. И такъ, стараетесь ли избѣгать тѣхъ мрачныхъ и скользкихъ стремнинъ, въ коихъ падала и сокрушалась ваша добродѣтель? При-

нимаєте ли всѣ мѣры къ тому, чтобы нѣжный ростокъ невинности, возникающій въ таинствѣ покаянія, былъ ограждаемъ и хранимъ отъ новыхъ бурь, отъ новой засухи и ожесточенія грѣховнаго, отъ новаго наводненія потоками чувственности? Безъ сего вы будете возставать токмо для того, чтобы упасть снова и еще глубже, доколѣ не погрузитесь въ ту глубокую золь и нечестія, откуда нѣтъ исхода.

Последній вопросъ: памятуете ли, братія, о своей смерти и готовитесь ли, какъ должно, къ послѣднему часу вашему? Неминуемъ и грозенъ часъ сей; страшно разлученіе души отъ тѣла! Тогда все оставить насъ, все — что занимало, обольщало, радовало и печалило! Позади міръ и жизнь; впереди вѣчность и судъ! Одна вѣра, одни добрыя дѣла, одно покаяніе и сокрушеніе сердца пойдутъ за нами, и будутъ въ помощь намъ, если мы стяжали ихъ. Памятуете ли сіе, возлюбленные, и готовитесь ли къ переходу изъ суетнаго міра сего въ вѣчность? Если мы, предпринимая какой-либо временный путь, заранѣе готовимся и обдумываемъ какъ совершить его, гдѣ и въ какое время остановиться, что гдѣ сказать и что гдѣ сдѣлать; то не крайнее ли безразсудство — имѣть предъ собою вѣчность и не думать предварительно, какъ вступить

въ нее, не стяжать надлежащаго запаса на безконечное странствованіе, не употребить всѣхъ силъ и средствъ на то, чтобы послѣдній грозный часъ не засталъ насъ внезапно — неготовыми? Ибо кто положилъ завѣтъ съ смертію? Кто можетъ сказать, что онъ увидитъ завтрашній день? Не пойдетъ нынѣ-же путемъ всей земли? Благо тому, кто живетъ такъ, что всегда готовъ окончить жизнь и предстать на судъ Божій! Но горе тому, кто потерялъ изъ виду послѣднюю цѣль бытія своего, кто поработилъ себя похоти и страстямъ, кто, имѣя еще возможность принести покаяніе во грѣхахъ своихъ и очистить ихъ вѣрою и слезами, — не спѣшитъ воспользоваться средствами къ спасенію грѣшной души своей! Пройдетъ драгоцѣнное время милосердія, — и двери затворятся! Начнетъ плакать и вопіять, — и никто не услышитъ! Да не постигнетъ сія страшная участь никого изъ васъ! — Аминь.

С Л О В О,

П Р И П О С В Ъ Щ Е Н И И П А С Т В Ы,

СКАЗАННОЕ ВЪ УСТЮЖСКОМЪ ІОАННО-ПРЕДТЕЧЕНСКОМЪ ЖЕНСКОМЪ

М О Н А С Т Ы Р Ъ.

Среди пастырскаго странствованія моего, проповѣдуя въ разныхъ мѣстахъ слово Божіе, я всегда старался о томъ, чтобы по крайней мѣрѣ возродить въ слушателяхъ моихъ печаль по Бозѣ и сътованіе о грѣхахъ своихъ, пробудить въ нихъ мысль и тоску по небесномъ отечествѣ. Ибо между опасностями жизни мірской самая главная та, что человекъ, преданный земнымъ заботамъ, самъ непремѣнно землепѣетъ и дѣлается нечувствительнымъ къ своему спасенію; забываетъ совершенно, для чего онъ созданъ и къ чему

предназначенъ; живетъ какъ-бы ему никогда не надлежало умереть и являться предъ страшный судъ Божій. Идѣя въ виду сію опасность, я всегда, въ моихъ бесѣдахъ, непосредственно обращался къ душѣ и совѣсти моихъ слушателей; тотчасъ вступалъ въ брань съ міромъ и его соблазнами, и, срывая съ сего врага личину его мнимыхъ прелестей, показывалъ все земное и временное во всемъ его ничтожествѣ. Здѣсь думаю, нѣтъ нужды говорить мнѣ такимъ языкомъ, обращаться къ симъ средствамъ убѣжденія. Ибо, кого я вижу предъ собою? Вижу многочисленный сонмъ женъ, кои не смотря на слабость своего пола, давно дерзнули сами вступить въ брань съ міромъ и доказали побѣду надъ нимъ уже самымъ удавленіемъ отъ него на-вѣки; кои, по заповѣди Евангельской, оставили все, чтобы воспріять благую часть Маріину и начать искать единого на потребу. Такихъ слушателей къ чему побуждать? Отъ чего отвращать? Въ чемъ наставлять? — Вступивъ въ такой священный кругъ, не паче ли должно сорадоваться, благодарить Господа и славить? И мы, предстоя у Престола сего, не оставили принести должную жертву хвалы и благодаренія за васъ; и васъ самихъ приглашаемъ какъ-можно чаще дѣлать то-же самое. Ибо безъ Его всесильной помощи

вы не только не разорвали бы узъ міра, на вась лежавшихъ, но, можетъ быть, и не подумали бы разрывать ихъ когда-либо. Въ самомъ дѣлѣ, мало ли въ мірѣ людей, кои вполне чувствуютъ тяжесть своего мірскаго положенія; желали бы выдти и убѣжать изъ области духовнаго рабства, но не могутъ сдѣлать сего; сто разъ можетъ быть собирались, подобно древнимъ Израильтянамъ, въ путь, и доселѣ сидятъ въ плѣну на рѣкахъ Вавилонскихъ; тоскуютъ и плачутъ о родномъ Іерусалимѣ, но остаются въ Вавилонѣ. То-же было бы и съ вами — безъ особенной благодати Божіей къ вамъ. Памятуйте же, возлюбленные, благодѣянія Божіи, и пользуйтесь для своего спасенія преимуществами вашего званія и вашей свободы духовной.

Чего не достаетъ вамъ для спасенія? Міръ съ своими соблазнами не смѣетъ преступить за прагъ святой обители вашей; и если является кто здѣсь, то не въ видѣ грознаго владыки, требующаго отъ рабовъ своихъ жертвъ и поклоненія, а въ видѣ странника и пришельца, чтобъ послушать вашего богослуженія, поучиться вашимъ примѣромъ. Церковь со всею святынею, со всѣми таинствами, со всѣми обѣтованіями своими такъ близка къ каждой изъ васъ, что вы всѣ, подобно преблагословенной Матери Божіей, живете

подъ стѣною дома Божія. Страждетъ ли какая-либо сестра отъ старости? Руки молодыхъ сестръ готовы на услуги и помощь. Страждетъ ли какая-либо сестра отъ младости? Уста и сердца сестръ опытныхъ готовы на утѣщеніе и на молитву за нее. Приходить ли недугъ тѣлесный? Не далеко врачество и тѣлесное, если его требуютъ; а духовное всегда является, хотя-бы его и не требовали почему-либо. Приходить ли конецъ самой жизни? Не о чемъ думать и печись, кромѣ души своей; спокойно можно закрыть глаза, бывъ увѣренною, что оставшіяся въ живыхъ сестры сдѣлаютъ все, что нужно для поминовенія души отшедшей. Можно ли желать состоянія лучше сего тому, кто воистину ищетъ своего спасенія?

Но мы, помыслить при семъ нѣкоторыя изъ васъ, не можемъ, къ сожалѣнію, посвящать всего времени нашего Богу и молитвѣ; должны трудиться и работать для снисканія себѣ хлѣба насущнаго: это заставляетъ иногда даже оставлять богослуженіе или стоять на немъ съ разсѣянною мыслию и думать о земномъ.

Такого разсѣянія мыслей надобно всячески избѣгать, возлюбленные. Но что виною его? Трудъ ли тѣлесный? Напротивъ, извѣстно, что праздность порождаетъ

еще болѣе разстѣянiя п земныхъ помысловъ. Среди труда, если мысль п обращается въ земномъ, то по крайней мѣрѣ около предметовъ труда, все еще довольно чистыхъ п невинныхъ, а тамъ, у праздности, мысль любитъ парить п извиваться около предметовъ самыхъ чувственныхъ п нечистыхъ. Это разстѣянiе мыслей, на которое въ нашемъ состоянiи такъ часто жалуются, вообще сродно нашей падшей п вѣчной природѣ; п доколѣ мы не освободимся отъ него духовнымъ бдѣнiемъ п молитвою, доколѣ не побѣдимъ, благодатию Божіею, зла въ насъ живущаго, не подчинимъ воображенiя уму, ума волю Божіей; дотолѣ, гдѣ-бы мы ни были, хотя бы на самомъ небѣ, будемъ разстѣяны п преданы мыслямъ земнымъ. А что касается собственно труда тѣлеснаго; то онъ, самъ по себѣ, не только не вредитъ духовной жизни, а напротивъ, служитъ для нея помощію п оградою. Посему-то именно у древнихъ подвижниковъ благочестiя время п дѣлилось всегда между занятіями духовными п трудомъ тѣлеснымъ. Духа праздности они почитали величайшимъ врагомъ духовной жизни, особенно родителемъ духа унынія; п потому молились первѣе всего о удаленiи его отъ себя, какъ это показываетъ молитва св. Ефрема, такъ часто повторяемая въ св. Четырдесятницу. По сему - же,

безъ сомнѣнія, самъ Господь и Пречистая Матерь Его благоволили своимъ примѣромъ, въ поученіе наше, освятить трудъ тѣлесный. Ибо кто, думаете, доставлялъ пропитаніе Господу, когда Онъ жилъ до тридцати лѣтъ въ дому Іосифовомъ, въ Назаретъ? Архангелы и Ангелы? Нѣтъ, руки старца и древодѣля Іосифа и Его собственныя! Чѣмъ, послѣ молитвы и слова Божія, занята была обыкновенно Матерь Божія? Сотвореніемъ чудесъ? Изреченіемъ пророчествъ? Нѣтъ, обыкновенными дѣлами своего пола, трудами тѣлесными, плодомъ копѣхъ былъ и тотъ нещвнный хитонъ, который покрывалъ наготу божественнаго Сына Ея предъ распятіемъ. Видите, кто трудился и работалъ? Намъ ли послѣ сего жаловаться на трудъ и думать, что онъ мѣшаетъ жизни духовной? Нѣтъ, если какая изъ сестръ находится въ необходимости труда; та благодари за сіе Господа, который поставилъ ее въ состояніе, подобное бывшему состоянію на землѣ Его собственному и Матери Своей; а если какая сестра не находится въ сей необходимости, та ставъ, какъ можно чаще, сама себя въ состояніе труда, дабы не лишиться мзды трудящихся, дабы избѣгнуть опасностей праздности, дабы не подпасть подъ строгое, но совершенно праведное

изреченіе Апостола: *не трудивыйся, да не ясть!* Другое дѣло — немощь тѣлесная и неспособность къ труду: когда замѣтите ее въ какой-либо изъ сестръ, то снѣшѣте остановить трудящуюся; помогайте ей соединенными силами, кто отъ избытка, кто отъ усердія, дабы излишекъ труда, обременивъ тѣло таковой, не повредилъ и ея душѣ. Когда будете поступать такимъ образомъ; тогда все пойдетъ хорошо, и между вами не будетъ воздыханій отъ трудовъ.

Что еще сказать вамъ, возлюбленные о Господѣ сестры? Не забывайте цѣли, съ коею пришли вы сюда; не забывайте обѣтовъ, вами произнесенныхъ; не забывайте смерти и суда страшнаго! Никакія ограды не защитятъ насъ отъ нападеній врага, если мы не станемъ ограждать себя непрестанно пменемъ Господа Иисуса, смиреніемъ и бдѣніемъ духовнымъ надъ своимъ сердцемъ; никакія молитвословія и службы не освятятъ насъ, если въ душѣ нашей не учредимъ непрерывнаго служенія Богу духомъ и истиною, кротостію и чистотою, покаяніемъ и исповѣданіемъ предъ Сердцевѣдцемъ грѣховъ своихъ. А учредить внутри насъ сего божественнаго служенія никто не можетъ, кромѣ самаго Духа Святаго. Къ сему-то Пресвятому Духу обра-

щайтесь какъ-можно чаще съ молитвою о томъ. Онъ не только наставитъ васъ на всякую истину, но и подастъ силы исполнить всякую правду. Аминь.

С Л О В О,

П Р И П О С Т Ъ Щ Е Н І И П А С Т В Ы,

С К А З А Н Н О Е В Ъ С О Л Ъ В Ы Ч Е Г О Д С К О М Ъ С О Б О Р Ъ.

Принесши на Алтарь семь безкровную жертву о благосостояніи вашего града, вспомнявъ надъ нею молитвенно живыхъ и мертвыхъ, я, по долгу Пастыря, долженъ теперь обратиться къ вамъ, братія, съ словомъ назиданія Христіанскаго. Желалъ бы побесѣдовать съ вами о многомъ, желалъ бы повторить вмѣстѣ съ вами все ученіе о благочестіи Христіанскомъ: по краткость времени не позволяетъ сего. Впрочемъ, если-бы мы имѣли и много времени; то можно ли сказать съ сего мѣста все? Могутъ ли сдѣлать это даже здѣшніе Пастыри ваши и наставники, бесѣдуя съ вами часто? Кто хочетъ знать все, что нужно для его

спасенія, тотъ необходимо долженъ размышлять и учиться самъ; и благодареніе Господу! у каждаго изъ насъ есть средства къ тому. На сіи-то средства хочу я указать вамъ теперь, дабы вы пользовались ими, когда захотите. Ибо, къ сожалѣнію, многіе изъ насъ вовсе не пользуются, и потому остаются во тьмѣ и невѣдѣніи.

Самое первое къ наученію себя у каждаго человека средство есть его совѣсть. У кого изъ людей нѣтъ совѣсти? Кто не слышитъ, хотя по временамъ, голоса, повелѣвающаго ему то или другое дѣлать, а это или сіе оставить? Что же такое совѣсть, какъ не гласъ Самого Бога? Онъ, Отецъ небесный, посылая насъ въ міръ сей, далъ намъ сіе драгоценное напутіе; Онъ Самъ вложилъ въ душу нашу сей глаголъ неумолкающій. Если-бы мы слушались своей совѣсти, сохраняли, какъ должно, сіе зеркало истины и правды: то внутри насъ непрестанно совершалось бы непосредственное откровеніе воли Божіей, и мы безъ наставниковъ знали бы все, что намъ должно дѣлать. Но, вотъ наше несчастіе! Въмѣсто того, чтобъ поступать по совѣсти, мы болѣею частію идемъ вопреки ей; водимся чувствами, привычками, страстями, а о совѣсти небрежемъ, заглушаемъ ее, подавляемъ. Отъ се-

то зеркало совѣсти тускнеть, и, покрываясь прахомъ суесть, не можетъ отражать въ себѣ и показывать намъ ясно образа нашего; отъ сего голосъ совѣсти слабѣетъ, становится невнятенъ, наконецъ умолкаетъ, такъ-что мы остаемся безъ совѣсти. Правда, что такой человекъ самый несчастный; горе тому, кто погубилъ совѣсть! Но, кто виною сего горя? Самъ человекъ; притомъ всегда есть средство выйти изъ сего несчастнаго состоянія. Омой зеркало совѣсти слезами покаянія; и оно паки станетъ свѣтлымъ и будетъ отражать и показывать тебѣ весь образъ бытія твоего; очисти и освободи слухъ душевный отъ сора страстей; и паки будешь слышать внутри себя гласъ Божій; ибо совѣсть, какъ мы сказали, есть откровеніе въ васъ воли Божіей.

Второе средство къ наученію себя у каждаго есть собственная жизнь. Не напрасно жизнь называютъ школою и говорятъ — «вѣкъ живи, вѣкъ учись»: жизнь подлинно есть школа, и притомъ — Божія. Ибо въ чьихъ рукахъ наша жизнь и кто управляетъ ею? Богъ! Безъ Его воли, какъ учить слово Божіе, не падаетъ съ головы нашей ни одного волоса. Если безъ воли Божіей не можетъ упасть волосъ; кольми паче не можетъ произойти съ нами что-либо важное. По-

сему на все, что ни случается съ нами въ жизни, мы должны смотреть какъ на уроки премудрости Божіей и во всемъ видѣть благоую волю Божию, насъ вразумляющую. Если-бы мы смотрѣли такимъ образомъ на свою жизнь, то непрестанно получали бы наставленіе. Но вотъ наше несчастіе! Мы обыкновенно думаемъ, что за нами съ неба никто не смотритъ, и что нашею жизнью никто не управляетъ. Отъ сего драгоценные уроки, преподаваемые намъ свыше въ событіяхъ нашей жизни, остаются непринятыми, непонятными, и потому безплодными. Особенно нельзя не пожалѣть въ семь отношеніи о такъ называемыхъ несчастіяхъ-жизни. Если промысль посылаетъ ихъ на насъ; то всегда съ особенною цѣлію — научить насъ чему-либо, или для возбужденія насъ отъ сна грѣховнаго, для обузданія въ насъ чувственности, гордости и прочихъ страстей. Въ такомъ случаѣ несчастія именно подобны тѣмъ сильнымъ средствамъ, кои опытные врачи предписываютъ больнымъ въ крайности, и коихъ свойство то, что они или производятъ рѣшительный поворотъ на лучшее, или истощаютъ силу жизненную. По сему несчастія всегда должны бы оказывать самое благотворное дѣйствіе на духъ нашъ. Но часто бываетъ совсѣмъ напротивъ; почему? Именно потому, что мы,

находясь въ несчастіи, вмѣсто того, чтобъ признать на себѣ руку Божію, возвести очи къ небу и слышать гласъ Отца небеснаго, глаголющаго къ намъ въ несчастіи нашемъ, предаемся малодушію, ропоту, клеветѣ на людей и судьбу, а о Богѣ и душѣ своей не хотимъ и подумать.

Наконецъ сама природа, насъ окружающая, самыя вещи бездушныя могутъ и должны служить для насъ въ наученіе полезное. Ибо что такое природа? Ужели сборъ вещей, неимѣющихъ никакого смысла? Нѣтъ, это зеркало, въ коемъ, по свидѣтельству Апостола Павла, отражаются совершенства Божіи, самая *присущая сила* Творца и Его *Божество* (Рим. 1, 5). Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на кипящее волнами море или на тучу, разсѣкаемую молніею и громами: не образъ ли это всемогущества Божія? Посмотрите на сводъ небесный, усыпанный звѣздами, на восходящее и заходящее солнце: не образъ ли это премудрости Божіей? Посмотрите на весну, украшенную цвѣтами, ведущую за собою хоры пернатыхъ: не образъ ли это благодати Божіей? Что мѣшаетъ тебѣ, смотря на всѣ сѣ картины, восходить мыслію къ совершенствамъ Творца твоего? Ты видишь, какъ въ природѣ все течетъ стройно и въ порядкѣ: долженъ стараться, что-

бы все текло такъ стройно и въ твоей жизни. Видишь, какъ солнце сіяетъ не только на благія, но и на злыя; старайся и самъ быть благимъ ко всемъ, самымъ ненавидящимъ и злымъ. Услышишь громъ; вспомни о гласѣ Божіемъ къ Адаму падающему: *Адаме, гдѣ еси?* и обрати сей гласъ къ своей душѣ. Увидишь раду: вспомни о потоцѣ, истребившемъ за грѣхи первый міръ, послѣ чего радуга поставлена Богомъ въ знаменіе мира. Настанетъ затмѣніе луны или солнца; пренесись мыслію къ тому времени, когда солнце померкнетъ вовсе и луна не дастъ свѣта. Самые обыкновенныя занятія наши житейскія могутъ служить намъ въ поученіе. Ты вышлешь на поле посмотреть на посѣянное тобою осенью. Сѣмена были все равны; рука твоя бросала ихъ одинаково; но всходы и ростъ вышлешь различенъ: что пало на землѣ худой и каменистой, то едва взойшло, рѣдко и слабо; что пало возлѣ дороги, то хотя взойшло и хорошо, но пострадало отъ проходящихъ и протѣзающихъ; что пало на землѣ не хорошо выборошенную, то хотя также взойшло не худо, но подавлено сорными травами: хорошо растеть и веселить твое сердце одно то, что ушло на землѣ хорошей и хорошо очищенной. Вотъ изображеніе нашихъ душъ и сердецъ въ отношеніи къ слову

Божію! Осмотрись же — не камень ли твоё сердце, не поросло ли и оно терніемъ и волчцами — похотями и страстями житейскими? — Или ты работаешь въ своемъ саду и изъ дикихъ деревьевъ дѣлаешь деревья садовыя, отрубывая вѣтвь отъ хорошаго дерева и приставляя къ дикому. Вотъ тебѣ символъ того, что должно быть съ тобою для твоего исправленія и перерожденія духовнаго. Когда ты вѣрою привьешься къ Божественной лозѣ — Спасителю твоему, то и самъ ты содѣлаешься человекомъ новымъ, плодоноснымъ, достойнымъ того, чтобъ быть пересаженнымъ, въ свое время, въ вертоградъ небесный.

Столько у насъ къ наученію средствъ естественныхъ! Такъ можемъ мы учиться у своей совѣсти, отъ своей жизни и отъ природы, насъ окружающей! Но мы — Христіане: у насъ, кромѣ естественныхъ средствъ къ наученію, есть не мало сверхъ-естественныхъ, данныхъ намъ свыше.

Таково — слово Божіе, — писанія Пророкомъ и Апостоловъ. Чему не могутъ они научить насъ? Слово Божіе, по свидѣтельству Апостола, полезно на все, ко ученію, ко обличенію, къ исправленію, къ наказанію еже въ правдѣ, да совершенъ будетъ Божій человекъ и на всякое дѣло благое уготованъ (2 Тим. 3, 16. 17).

А кто не можетъ имѣть св. книгъ, если захочетъ? Ибо цѣна ихъ менѣе цѣны тѣхъ орудій, коими ты работаешь. — «Но, многіе не умѣютъ читать». Такъ слушай, когда читаютъ слово Божіе въ церкви. Здѣсь, въ продолженіи года, прочитываются всѣ Евангелія, всѣ посланія Апостольскія, большая часть писаній Пророческихъ. Но вотъ несчастіе нашего времени! Нынѣ многіе умѣютъ читать и небрегутъ о томъ, чтобъ узнать и прочесть слово Божіе; бросаются на самыя негодныя книги, на самыя жалкія и душемѣнныя басни, пожираютъ ихъ съ жадностію; а не хотятъ узнать, что написано къ нимъ съ неба, о ихъ вѣчномъ спасеніи! Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ водятся любопытствомъ, а тутъ нѣтъ и любопытства. Безчувствіе самое непрощительное! Ибо, если-бы ты, говорить св. Златоустъ, получилъ письмо отъ царя: то не посѣвши ли бы его прочесть? Не умѣя самъ читать, не проси ли бы о семъ тотчасъ другаго, умѣющаго? Не перечитывалъ ли бы сто разъ сего письма, и не показывалъ ли бы его при всякомъ удобномъ случаѣ другимъ? А Царь небесный написалъ къ намъ письмо, и мы, умѣя даже читать, не хотимъ ни разу прочесть его? Можетъ ли быть большей неблагодарности, безчувствія преступнѣе? Или если-бы кто нище-

му оставилъ по смерти своей завѣщаніе на богатое наслѣдство, и этотъ нищій не смотрѣлъ бы на это завѣщаніе и не захотѣлъ прочесть его, что сказали бы мы о семъ человѣкѣ? Не то ли, что онъ сошелъ съ ума и врагъ самъ себѣ? А намъ всѣмъ оставлено завѣщаніе Спасителемъ нашимъ на цѣлое Царство небесное, завѣщаніе написанное не чернилами, а, можно сказать, Кровію Его; и мы, имѣя всю возможность, не хотимъ даже прочитать и узнать его! Что можетъ быть преступнѣе такого невниманія? —

Второе сверхъ-естественное средство къ наставленію у каждаго изъ насъ есть Церковь. Я говорю сверхъ-естественное: ибо мы можемъ строить только стѣны храмовъ; а Церковь создана единожды и навсегда непосредственно Самимъ Богомъ: она основана на чудесахъ, держится чудесами, и производитъ чудеса; ибо основана на краеугольномъ камени — Сынѣ Божіемъ; держится силою Духа Св., воскрешаетъ умершихъ грѣхами для жизни вѣчной. Что-же есть Церковь, какъ не богоучрежденное для всѣхъ училище? Тутъ въ одной Литургіи ты услышишь всю жизнь своего Спасителя и всю тайну твоего спасенія; тутъ на одномъ иконостасѣ изображенъ предъ тобою весь соборъ Святыхъ, дабы ты могъ избрать любого для подражанія

Его жизни. Въ продолженіе года, въ Церкви пройдутъ предъ тобою все праздники — съ ихъ таинствами и величіемъ; все дни Святыхъ — съ ихъ добродѣтелями и подвигами; все посты — съ ихъ слезами и умиленіемъ душевнымъ, все дни поминовенія усопшихъ — съ памятію о смерти и судѣ страшномъ. И много ли нужно для того, чтобы каждому учиться въ Церкви? Нужны только глаза и слухъ, вниманіе и смыслъ. Приходи кто угодно, всемы отверсты двери; не требуютъ справокъ, кто ты и имѣешь ли право учиться; не подвергнуть непытаніямъ въ способности и познаніяхъ. Приходи по-утру: услышишь заутреню, и въ ней изображеніе сотворенія міра; приходи среди дня: услышишь Литургію и будешь приглашенъ къ трапезѣ тѣла и крови Христовой; приходи вечеромъ: заставишь вечерню, и поучишься окончанію міра и собственной жизни. — Такова Церковь! истинная мать во всехъ отношеніяхъ! Истинная наставница для всехъ и каждого! И чѣмъ-же многіе отвѣчаютъ на любовь сей матери? Тѣмъ, что почти никогда не ходятъ въ церковь: тѣмъ, что и пришедъ въ нее, загнанные какимъ-либо случаемъ, стоятъ разсыпано, дерзко, мѣтжепо предаются разговорамъ, даже смѣху! Что можетъ быть преступнѣе такихъ поступковъ?

Поеліку худые ученики и при многихъ наставникахъ успѣваютъ слабо; а отъ насъ трудно было ожидать должнаго прилежанія къ наукѣ, не смотря на то, что это наука нашего спасенія: то любовь Божія, кромѣ вышеозначенныхъ наставниковъ видимыхъ, приставля къ намъ еще наставниковъ невидимыхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, каждый изъ насъ, какъ учитель св. Церкви, имѣетъ Ангела хранителя: что же такое Ангель хранитель, какъ не вмѣстѣ и Ангель учитель? — Можетъ ли такой наставникъ не знать что-либо, нужное для нашего спасенія, или, зная, не сказать намъ того? Его радость, его честь состоитъ въ томъ, чтобы хранимый имъ человекъ не оставался во тьмѣ невѣдѣнія. Посему, если кто остается, то виною того самъ. И мало ли виновныхъ въ семъ отношеніи? Многіе ли обращаются съ молитвою къ своему Ангелу хранителю за наставленіемъ? сколько такихъ, кои даже и не вѣдаютъ того, что у нихъ есть Ангель хранитель. Здѣсь съ горестію я долженъ принести вамъ жалобу на васъ самихъ, и желалъ бы, чтобы сія жалоба услышалась по всемъ предѣламъ паствы Вологодской. Вездѣ по церквамъ, мною посѣщеннымъ, и внеъ церквей, гдѣ случалось спрашивать дѣтей о вѣрѣ, я съ удивленіемъ видѣлъ, что малыя дѣти наши почти все знаютъ

С Л О В О,

НА ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО ДІОНИСІЯ ГЛУШИЦКАГО,

СКАЗАННОЕ ВЪ ГЛУШИЦКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Аще узриши мя вземлема отъ тебе, будетъ ти тако; аще ли не узриши, не будетъ. (4 Цар. 11, 10).

Такъ говорилъ Пророкъ Ілія ученику своему и преемнику Пророку Елиссею, просившему у него, предъ взятіемъ его на небо, въ наслѣдіе себѣ *духа сугуба*, то-есть силу благодати вдвое противъ той, которая обитала въ Іліи. Елисей въ точности исполнилъ дивное условіе; удостоился видѣть, какъ *колесница огненная и кони огненные* восхитили учителя его на небо; посему и сподобился пріять просимое: падшая на него сверху милоть Іліина дала знать, что вмѣстѣ съ нею прешель на него и духъ Іліинъ.

Мы, братія, не зрѣли возносимою на небо чистой и святой души великаго и святаго основателя обители сей, нынѣ благочестно нами ублажаемаго; никто изъ насъ не просилъ у него предъ кончиною духа, тѣмъ паче сугубаго: и однакоже онъ, отходя на небо, оставилъ, подобно древнему Пророку, намъ милоть свою, и какую милоть? Не одежду, хотя и она отъ Святыхъ Божіихъ не мало значитъ, а свое нетлѣнное тѣло, которое, какъ милоть, служило нѣкогда покровомъ для чистой и святой души его.

Для чего оставилъ? Скажемъ необинуясь, что для того-же, для чего оставлена была Иліина милоть Елисею, то-есть, чтобы въ насъ, если возможно, былъ духъ праведника сугубъ. Ибо судите сами, если обыкновенная милоть служила знакомъ духа сугубаго; то милоть намъ оставленная, составляющая сама по себѣ великое чудо, не можетъ не быть знакомъ и залогомъ величайшихъ дарованій. И такъ, могій вмѣстити, да вмѣститъ!—У Того, Кто даетъ способнымъ духа безъ мѣры, станетъ духа для всякаго — въ мѣру возраста его.

Но большей части изъ насъ далъ бы Господь нѣтъ, хотя тотъ благой духъ, который обиталъ въ ублажаемомъ нами праведникѣ. Ибо какихъ благихъ качествъ

не имѣли бы, какихъ благихъ дѣлъ не совершили бы мы, если-бы оживлены были духомъ Христовымъ въ той мѣрѣ, въ какой исполненъ былъ имъ Преподобный Діонисій?

Если-бы кто почелъ и эту мѣру не по себѣ и своимъ слабостямъ, тотъ возьми меньшую, возьми, если угодно, самую малую; но надобно взять какую-либо непременно. Ибо для чего-же оставлена и тебѣ, направивъ съ другими, чудесная милоть? Уже-ли для того, чтобы ты поклонялся ей и лобызалъ ее, не заема нисколько духа у Угодника Божія? — Но, для сего стоило ли бы ей цѣлые вѣка оставаться невредимою отъ тлѣнія? Стоило ли бы для сего и намъ, оставивъ все, дома и дѣла наши, собираться въ такомъ числѣ въ сію пустыню? — Нѣтъ, сія чудесная милоть оставлена намъ, безъ сомнѣнія, для какого-либо святаго употребленія: какого? Елисей милотію Иліиною раздѣлилъ Іорданъ и прешелъ его по суху; а мы милотію Угодника Божія будемъ раздѣлять потокъ времени и всего временнаго, потокъ удовольствій и сладостей мірскихъ, потокъ худыхъ примѣровъ и соблазновъ, тотъ потокъ, въ коемъ многіе утопаютъ такъ безгодно. Какъ раздѣлять? Повергая въ него милоть Преподобнаго. Тебя, напр., окружаетъ потокъ чувствен-

ности и нечистыхъ удовольствій, ты самъ видишь, что можешь въ глубинѣ его погибнуть; стань мысленно у гроба Преподобнаго, имись вѣрою за святыя мощи его, и потокъ соблазновъ житейскихъ разступится предъ тобою, ты преидеши его, какъ Елисей Иорданъ, безвредно. Предъ тобою потокъ неправеднаго прибытка, стопы твои скользятъ подъ нимъ; ты готовъ повергнуться во глубину его стремглавъ: снѣши мысленно къ чудесной милоти Преподобнаго, укройся подъ нее сердцемъ смиреннымъ, воззови къ нему изъ глубины души о помощи; — и потокъ раздѣлится, ко-рысть неправедная представится тебѣ во всей ея чернотѣ и потеряетъ силу влечь тебя за собою. Тебѣ оказана насправедливость, ты оскорбленъ жестоко; потокъ гнѣва кипитъ въ сердцѣ, и готовъ излиться въ словахъ студныхъ, въ ропотъ и хуль: вспомни о милоти Преподобнаго, о томъ, что ты лобызалъ святыя мощи его, и уста, отверстыя на хулу, сомкнутся.

Такъ надобно поступать и въ другихъ случаяхъ. Не должно скучать, если святая милоть не вдругъ окажетъ свое благотворное дѣйствіе. И Елисей милотию Пліною не вдругъ раздѣлилъ Иорданъ, долженъ былъ повергнуть въ него сію милоть дважды. И удары Елисей соды второе, пишется въ Книгѣ царствъ,

и разступившаяся воды сюда и сюда, и преиде по суху.
Такъ поступай и ты; ставь себя мысленно какъ-можно чаще у святыхъ мощей Угодника, и не отступай отъ него, доколѣ не почувствуешь въ себѣ присутствіи благого и крѣпкаго духа его. Ибо не напрасно-же онъ оставилъ намъ всѣмъ такую милость — свои нетлѣнныя мощи, когда мы напрасно не оставимъ нигдѣ своего платья. Аминь.

С Л О В О ,

ПРИ ПРОЩАНІИ СЪ ПАСТВОЮ ВОЛОГОДСКОЮ,

СКАЗАННОЕ ВЪ ЗИМНЕМЪ ВОЛОГОДСКОМЪ СОВОРЪ*.

Нынѣ день предпразднества Срѣтенія Господня; а для меня день прощанія съ тобою, возлюбленная паства Вологодская! О, если-бы и мнѣ, подобно Сѹмеону, можно было сказать при семъ: *Нынѣ отпуцаеши раба твоего, Владыко, по глаголу твоему съ миромъ; яко видѣста очи мои спасеніе твое!* По крайней мѣрѣ, и я отхожу отсель не по волѣ своей, а по глаголу Твоему, Господи, изреченному устами Помазанника Твоего. По крайней мѣрѣ, среди краткаго служенія

* Февр. 1, 1842 года.

моего здѣсь, и я не желалъ видѣть, и надъ собою и надъ всею паствою Вологодскою, ничего болѣе, кромѣ спасенія Твоего. Твоей вседержавной волѣ угодно, чтобы я шелъ возвѣщать сіе спасеніе въ страну другую: съ благоговѣніемъ приѣмлю исходящую отъ лица Твоего новую судьбу мою! Покой или трудъ, радость или скорбь сретить меня на новомъ мѣстѣ служенія; я равно приму ихъ; ибо они отъ руки Твоей. Ты не подашь вмѣсто хлѣба камней тѣмъ, кои чаютъ къ Тебѣ, Тебѣ единому!

Не дивно, братія, если жезлъ служенія пастырскаго такъ часто обращается въ жезлъ странническій. Кому же, какъ не пастырямъ Церкви приличнѣе показывать самымъ вышнимъ образомъ жизни своей, что мы всѣ не имѣемъ здѣ *пребывающаго града*, но *зыскусмъ грядущаго*? (Евр. 13, 14). Единаго надобно желать и просить у Господа, чтобы наше странствованіе было подобно странствованію древнихъ св. пастырей и учителей Церкви, кои откуда ни отходили, всюду оставляли миръ и благодать, куда ни являлись, всюду приносили радость и благословеніе.

Единъ вѣчный и неизмѣнный Архіерей, *прошедый* не землю токмо, но и *небеса*, Господь нашъ, Иисусъ Христосъ: къ Нему обращайтесь постоянно взоры и

сердца ваши; ибо Онъ единъ и той же вчера, днесъ и во вѣки (Евр. 13, 8). А мы всѣ, кто-бъ ни были, есмы токмо временные приставники и соработники въ великомъ дому Его, который есть Церковь: одинъ посѣялъ, другой полилъ, третій оградилъ посѣянное, а возраститъ дѣло Его, Его единого!

Если что можетъ и должно служить къ утѣшенію нашему при разлукѣ; то это вѣсть, что къ вамъ грядетъ пастырь, какого только могли желать и вы и я, — пастырь, бывшій для меня нѣкогда наставникомъ въ наукахъ, и коего доселѣ желалъ бы имѣть наставникомъ въ жизни духовной, который отъ лица цѣлой Церкви Россійской присутствовалъ при возстаніи, можно сказать, изъ гроба Церкви Новогреческой, который самъ потомъ, въ качествѣ Сопастыря, предстоялъ уже тремъ великимъ Церквамъ отечественнымъ. Такой Пастырь можетъ ли — не продолжить, если что было у насъ дѣйствительно добраго? не усовершенить, если что требуетъ усовершенія? не начать и не сдѣлать всего, что окажется нужнымъ для блага паствы Вологодской? —

Предавъ такимъ образомъ судьбу свою снова въ волю Всеславаго и Всемогущаго, будучи спокоенъ духомъ и за судьбу твою, Богомъ хранящая паства, и съ ми-

ромъ исхожу изъ сего храма, съ миромъ оставляю въ немъ жезлъ пастырства, освященный преподобною десницею толикихъ святителей Божіихъ и освятившій мои слабыя руки.

Простите, святые Угодники Вологодскіе, простите и благословите на путь дальній, продолжайте обитать духомъ во храмъ, посвященномъ вашему имени; но не оставляйте одушевлять молитвами и слабого создателя его! Прости, Ангель Церкви Вологодской, и вознеси въ послѣдній разъ послѣднее здѣшнее моленіе наше о благѣ страны сей, прости и покрой твоею любовію и молитвами недостатки служенія нашего! Простите пастыри Церкви и продолжайте являть ту ревность къ дѣлу Божію, то забвеніе для сего всехъ выгодъ земной жизни, коимъ вы утѣшали насъ! Простите, живые и мертвые, живые коихъ намъ должно было представлять, мертвые, къ коимъ мы сами ходили учиться!

Что сказать въ послѣдній разъ тебѣ, возлюбленная паства Вологодская, первая паства моя, мой Рувимъ, начало (Быг. 49, 3) и духовныхъ трудовъ, и духовнаго веселія моего въ служеніи пастырскомъ? Чего пожелать вамъ, братія, разставаясь съ вами навсегда? Скажу то-же, и пожелаю того-же и въ послѣдній разъ, чего желаю при первомъ свиданіи: благодать Господа

нашего Ісуса Христа, и любви Бога и Отца и причастіе Духа Святаго да будетъ со всѣми вами! Да будетъ всегда и вездѣ! Да почіють сія благодать и сей миръ на васъ и чадахъ вашихъ, да вселятся въ дома и сердца ваши, да утвердятъ васъ во всемъ благомъ и праведномъ, да сретятъ васъ въ тотъ послѣдній часъ, когда ничего не будетъ нужно вамъ, кромѣ благодати и милости Божіей! И сія благодать и миръ не обыдутъ и не оставятъ васъ, если только вы, занимаясь каждый дѣлами званія сего, не будете забывать единого на потребу; если располагая жизнь и поступки свои не по духу вѣка, а по заповѣдямъ Евангелія, будете со смиреніемъ и вѣрою пользоваться тѣми средствами ко спасенію, кои въ такомъ обиліи предлагаетъ всѣмъ и каждому св. Церковь; если, наконецъ, среди самыхъ слабостей и вольныхъ и невольныхъ грѣхонаденій, не будете предаваться ни безчувствію душевному, ни отчаянію и ожесточенію, омывая пятна совѣсти слезами покаянія. О, братія, не забывайте Бога и вѣчности, не забывайте души и совѣсти, не забывайте смерти и суда страшнаго, не забывайте покаянія и любви Христіанской! Все видимое, славное, прелестное минетъ, обратится въ прахъ, исчезнетъ навсегда, а душа и совѣсть останутся; и такъ, не забывайте ихъ!

Се мое послѣднее желаніе, мой послѣдній совѣтъ и завѣтъ вамъ! Для меня не будетъ большаго утѣшенія и радости духовной, какъ слышать, что вы ходите въ любви и истинѣ, что среди васъ живетъ духъ смиренія, взаимнаго уваженія и милосердія Христіанскаго, что дома и семейства ваши украшаются чистотою нравовъ и скромностію. О семъ молилъ я Господа здѣсь, о семъ-же буду молить и вездѣ. Подобной памяти, то есть молитвъ о мнѣ, прошу и у васъ. Когда будете собираться паки въ семъ храмъ на молитву; то вспомните, что у сего престола предстоялъ человѣкъ, который, не смотря на недостойнство свое, укрѣпляясь въ рою, съ дерзновеніемъ воздѣвалъ о васъ руки къ небу, и, вспомянувъ о семъ, излейте молитву, да Господь благопоспѣшитъ и путь и новое служеніе мое. Отнынь единъ союзъ между нами — союзъ вѣры, любви и молитвы! Да не разрывается онъ никогда! Да даруетъ Господь срѣтаться намъ нѣкогда и тамъ, гдѣ всѣ пастыри и всѣ пасомые составятъ единое стадо, подъ единымъ вѣчнымъ Пастыреначальникомъ, гдѣ, свидѣвшись, уже никогда не разлучаются! Аминь.
